

Росомаха

Автор:

Игорь Колосов

Росомаха

Игорь Колосов

Поселок Озерный охвачен паникой. Попытки жителей выбраться из поселка не дают результата. Зло, пришедшее из леса, убивает людей одного за другим.

У зла есть имя. Имя ему Кехха. У зла есть образ, но лучше его никогда не видеть. Всякий, узревший Кехху, обречён. Неужели зло непобедимо? Но люди на то и люди, чтобы бороться до конца и все-таки найти способ, как можно справиться со злом... Кажется бы, причём здесь Росомаха? Но именно в ней заключена Главная Тайна происходящего...

Игорь Колосов

Росомаха

© Колосов И., 2015

© ИК «Крылов», 2015

* * *

Древняя индийская легенда гласит:

Раз в триста лет рождается Особенное Животное. Энергетика Особенного Животного настолько велика, что убить Его невозможно.

Особенное Животное проживет срок, отведенный Его виду. В отличие от сородичей Особенное Животное всегда умирает своей смертью.

Особенным Животным может стать особь любого вида, обитающего в лесу, степи или пустыне. Будь то медведь, волк, рысь, россомаха или куница.

Что не вошло в индийскую легенду, но что из поколения в поколение передавали шаманы своим преемникам:

Не приведи Великий Дух – Творец Всего Сущего, если Особенное Животное встретится с Кехха – темной сущностью, которую можно увидеть как изможденную старуху.

Пролог 1

Внутри. Первые симптомы

Мужчина спешил.

Несмотря на протесты жены и умоляющий взгляд дочери, он выбежал из дома, запрыгнул в машину, выжал педаль газа. Он рассчитывал на скорость. И старался не думать о тех зловещих симптомах, из-за которых все это происходило: страх семьи, его собственный страх и попытка вырваться за пределы поселка. Вырваться – чтобы покончить с этим абсурдом, суть которого ускользала от рационального объяснения.

Человек выехал на уводящую из поселка дорогу на недозволенной скорости. Завизжали шины, машину потянуло в кювет. Мужчина был опытным водителем: выровнял машину, снова утопил акселератор.

Если он не сбавит скорость, когда проскочит знак, отмечающий конец населенного пункта, если не поддастся тем странным ощущениям, ранее испытанным лично, о которых в дальнейшем услышал от других людей, у него все получится.

Должно получиться!

Сначала накатывала неуместная тоска. Сильнейшая тоска по родному дому, как будто что-то вырвало тебя из постели среди ночи и ты уже никогда не вернешься назад. За тоской следовала опустошенность. Словно все внутри умирало, без всякой агонии, в один момент.

Душу снова захлестнула волна тоски.

Что, в свою очередь, порождало страх.

Страх вынуждал остановиться, открыть дверцу, выйти из машины и оглянуться назад. От этого взгляда туда, где остался дом, страх усиливался, хлестало тело порывами ветра, обжигало все внутри.

Когда мужчина столкнулся с этим впервые, на прошлой неделе, он просто развернулся и поехал назад, не понимая, что с ним такое. Страх и тоска ушли, хотя не сразу. Дома он осмотрел себя в зеркало, померил температуру, но ни к каким объяснениям не пришел.

Спустя час он вновь уезжал из поселка.

И вновь не смог его покинуть. Мужчину что-то не пускало, как если бы он совершал какую-то ошибку. Казалось, отъезду противилась его интуиция, утверждавшая, что сегодня лучше остаться дома. Иначе... Кто его знает, что может случиться? Авария, грабеж, сердечный приступ – не все ли равно?

Он прислушался к тому, что принял за интуицию.

Позже выяснилось, что подобное случалось с каждым жителем их поселка, кто хотел выехать за его пределы.

Позже выяснилось, что те, кто все-таки попытался игнорировать необъяснимые страх и тоску, получили новую порцию неприятных ощущений. У кого-то возникала сильная головная боль, у кого-то шла носом кровь, и тут хочешь, не хочешь – приходилось разворачиваться.

Позже выяснилось, что уже несколько дней никто из местных жителей не рискует выехать за пределы поселка. Это казалось абсурдом, но это было фактом. И против этого абсурда хотелось восстать.

Покинуть поселок во что бы то ни стало...

После знака шоссе петляло. Несмотря на фанатичную решимость, мужчина все же сбавил скорость. Он понимал, что поддается слабости, но мчаться на этом отрезке со скоростью под сотню было нереально: рискуешь не вписаться в один из поворотов и въехать в ствол дерева.

Его накрыла знакомая тоска. Тоска, потом опустошенность и – страх. Голова сама собой повернулась назад. Возникло ощущение, что он теряет все, что только может потерять человек. Близких, свое жилище, родину, себя, в конце концов.

Усилием воли он вынудил себя смотреть на серую ленту шоссе, утопил акселератор.

Страх как будто отступил, совсем немного. Это позволило забрезжить надежде, и мужчина улыбнулся, вцепившись в руль. В этот момент в голове вспыхнула боль. От неожиданности человек вскрикнул. Стал притормаживать, но боль усиливалась. Казалось, кто-то всадил в макушку крюк и вращает его, вращает, вращает...

Человек выпустил руль, сжал голову. Он кричал, не замечая, как из носа ползут ленивые струйки крови.

Автомобиль слетел в кювет, уткнулся в мохнатую ель. Толчок бросил мужчину на рулевое колесо, и в голове у него что-то взорвалось. Как будто лопнули все сосуды. Тело обмякло, неподвижный лесной воздух всколыхнул продолжительный гудок.

Звук раздавался очень долго, прежде чем наступила прежняя тишина.

Пролог 2

Снаружи. Последствия первых симптомов

Черный автомобиль медленно проехал вдоль тротуара и втиснулся на край стоянки.

Мужчина за рулем опасно огляделся, изучая поток пешеходов, помедлил, выбрался из машины. Худой, в очках и, несмотря на теплую погоду, в длинном плаще с толстой подкладкой, он неуверенно протиснулся между спешащих людей. Оглянувшись, нырнул в темный прохладный холл уютного ресторанчика, открытого всего неделю назад.

Особенность этого заведения, не считая добротной итальянской кухни, встречавшейся в миллионном Славянске гораздо реже, нежели итальянские названия ресторанов, заключалась в том, что сюда попадали только после предварительного заказа. Кроме того, перед каждым посетителем ставили песочные часы, рассчитанные на пятьдесят минут, не более. Посетитель должен был освободить место другим желающим: по вечерам перед входом даже образовывалась очередь.

Сейчас было два часа пополудни, и очередь отсутствовала.

Это заведение исключало, что кто-то попадет сюда с улицы под воздействием импульса. Худой потому и выбрал этот ресторанчик. Он не думал, что за ним может кто-то следить, но в последние дни все чаще казалось, что не помешает любая предосторожность. Самая, на первый взгляд, абсурдная.

Худой прошел в зал и заметил, что тот, с кем он должен здесь встретиться, уже ждет его. Худой видел этого человека лишь на фотографиях в газетах, и вживую тот показался ему не столь крупным. Скорее худощавым и поджарым, нежели плотным.

Худой прошел к столику, сел, они с женщиной обменялись приветствиями. Возле столика материализовалась светленькая официантка. Худой раскрыл меню и ткнул в первую попавшуюся пиццу – для вида он, конечно, попробует пару кусочков, но есть ему сейчас хотелось меньше всего. Официантка упорхнула.

Худой задержал взгляд на мужчине по другую сторону стола.

Его звали Стефан, и он был частным детективом. Лет тридцати пяти, скуластый, короткие русые волосы зачесаны назад. Обтягивающие черные джинсы, коричневый кожаный пиджак. Вчера, во время предварительного телефонного разговора, Худой поинтересовался у Стефана, не приехал ли тот в эти края откуда-нибудь с Балканского полуострова. Стефан ответил, что одна из его прабабушек была то ли болгаркой, то ли румынкой, но сам он родился и жил в Славянске. Действительно – Стефан говорил по-русски без акцента.

Худой спрашивал об этом не из любопытства, он пытался развеять собственное напряжение. Хотел показать собеседнику, что не так чтобы нуждается в его услугах. Скорее, еще в раздумьях, хотя и позвонил.

Сейчас, встретившись со Стефаном лично, Худой понял, что вел себя глупо. Обстоятельства, вынудившие его обратиться к частному детективу, слишком серьезные, чтобы еще заботиться о том, как выглядишь в чьих-то глазах. Пожалуй, само понятие частного детектива настраивает на некий двусмысленный лад. Возможно, где-то за океаном эти ребята не выпадают из общего ряда, но здесь при мысли о них до сих пор возникает ощущение, что все это понарошку.

Тем не менее Худой почему-то испытывал уверенность, что за помощью надо идти именно к такому человеку, а вовсе не в ФСБ или родственную ей структуру. Во всяком случае, успеется. Человек, с которым Худой встретился, тоже не беспомощная единица.

Детектив получил известность, когда в прошлом году раскрыл убийство члена городской мэрии. До этого Стефан занимался обычной для частного детектива мелочевкой: слежка за супругом, подозреваемым в неверности; пропавшая собачонка, без которой жизнь хозяйки грозит прерваться; ошалевшая нимфетка, сбежавшая из родительского дома к неизвестному бой-френду. Лишь случайность, заставившая ввязаться в расследование убийства, позволила

появиться его фото в нескольких газетах. Как там было написано?
«...Невероятное везение, а также интуиция...»

Стефану принесли его заказ, поставили перед ним песочные часы. Желтоватые песчинки посыпались тоненькой струйкой в пустую нижнюю половину. Не раздумывая, частный детектив принялся за еду. Жуя, сказал:

– Вы рассказывайте, я слушаю. Пусть это вас не смущает, – он кивнул на тарелку с едой. – Лазанья просто обалденная, а я здесь впервые.

Принесли заказ Худому. Он покосился на пиццу, осмотрелся по сторонам.

– Не нравится мне это место...

Стефан пожал плечами.

– Вы его сами выбрали.

Какое-то время Худой смотрел, как Стефан ест. Наконец последний откинулся на спинку стула.

– Давайте. Выкладывайте, – детектив глянул на песочные часы. – У нас минут тридцать осталось.

Худой снова огляделся.

– За городом, если ехать на восток по московской трассе, есть поселок. Километров тридцать отсюда. Красивое тихое место. С озером. Не просто деревенька какая-то, солидный такой поселок. Озерный называется.

Стефан подхватил:

– Много новых домов, относительная чистота, сфера обслуживания на уровне. Хоть сам туда катайся ради разнообразия и другим советуй.

Помедлив, Худой кивнул.

– Да. Только посторонние появляются там все реже и реже. И сами жители... не выезжают оттуда. Вообще.

Стефан прожевал, глядя куда-то поверх головы своего собеседника. Нельзя сказать, что на его лице появилась хоть какая-то заинтересованность.

– И в чем проблема?

Худой опустил голову, уставившись в стол.

– Даже не знаю, как сказать...

– Скажите, как есть.

– У меня в этом поселке сестра живет. С мужем и двумя детьми. Мы не так чтобы часто с ней общаемся, но... Я недавно узнал, что она нашу мать почти не навещает. А маму сестра всегда любила. Ездила через день, не говоря про выходные. В общем, я поговорил с мамой, позвонил сестре. Сказал, что хочу к ним приехать на вечер. Она не согласилась. Сказала, что они с мужем сильно заняты, не могут меня принять.

Худой вздохнул, помедлил.

– Голос у нее был... какой-то странный. Как будто она вот-вот расплчется. Словом, она быстро попрощалась, положила трубку. Я поколебался, но перезвонил. Спросил: можно хоть племянников по телефону услышать? Сестра замаялась, сказала, что они на улице и не могут подойти.

Стефан почесал подбородок, неудачно скрывая зевок.

– И чем, вы думаете, я мог бы помочь?

Худой заглянул частному детективу в глаза и догадался, что для него рассказ потенциального клиента пока представляется банальной семейной ссорой.

– Это не все. Не добившись толку по телефону, я решил съездить к ним. Я приехал, позвонил в дверь, но они мне не открыли. Они были дома – я видел их

машину на заднем дворе. Они были дома, но даже не открыли мне дверь. На всякий случай я зашел к соседям, спросить, не случилось ли чего с моими родственниками, но и там мне не открыли. Я даже не смог с кем-нибудь поговорить. И еще. Я заметил несколько странностей. Нигде не видно играющих детей. Несмотря на теплую погоду, закрыты все двери. И парочка прохожих, которых я встретил, сразу ретировалась, не желая разговаривать.

Худой достал из кармана платок, промокнул лоб. Огляделся, добавил:

– Я нашел уличный таксофон, позвонил сестре. Я не надеялся, что она вообще снимет трубку, потому что ее сотовый, как и сотовый ее мужа, были недоступны, но она ответила. Я сказал ей, что нахожусь в квартале от ее дома, но она сказала, что очень занята и попросила меня уезжать. Мне кажется, она бы закричала, если бы я настаивал на встрече.

Частный детектив покосился на песочные часы, заерзал на стуле.

– Так-так... Вы заявляли об этом в органы правопорядка?

Худой удивленно посмотрел на детектива.

– Нет. О чем заявлять? И зачем бы я обратился к вам?

Стефан кивнул.

– Да, конечно. Ладно, откуда вы знаете, что из поселка никто не выезжает? Сами проверяли?

Худой ответил не сразу.

– Знаете, у меня... есть женщина, я ведь с женой уже как год не живу. Так вот у моей... подруги тоже оказалась родня из этого поселка. И она тоже кое-что узнала. Жители уже некоторое время вообще не выезжают за пределы поселка. Кто-то заказывает продукты или другие товары, им это доставляют. Люди рассчитываются, но сами остаются у себя дома.

– Да-а уж... А как же работа и все такое?

Худой пожал плечами.

– Не знаю. Кто-то взял продолжительный отпуск, кто-то уволился, но даже за документами не поехал. Разве что предложил доставить все необходимое на дом. Например, мою женщину родственники просили забрать некий заказ, за которым они не могут съездить сами.

– Скажите, если они ее о чем-то просили... значит, они должны были ей что-то объяснить, не так ли?

Худой медленно покачал головой.

– Они ей ничего не говорят. Только по делу: что привести, что купить.

Стефан покосился на песочные часы. Желтоватая струйка монотонно перетекала в нижнюю половину. Верхняя опустеет через пару минут.

Частный детектив посмотрел на своего клиента.

– Значит, вы хотите, чтобы я...

– ... выяснили, что там, черт возьми, происходит.

1. Ветер, которого нет. Припорошенный след

Илья еще не заснул, когда услышал этот непонятный звук.

Звук напоминал трепет белья, вывешенного на заднем дворе и терзаемого порывами ветра.

Некоторое время Илья лежал с открытыми глазами, пытаясь понять, не снится ли это ему. Во-первых, сейчас зима, и на заднем дворе нет никакого белья. Во-вторых, погода сегодня была безветренной, да и сейчас не слышно

обычного в этих случаях гула в водосточных трубах.

Не считая этих хлопков какой-то ткани.

Илья приподнялся на локтях, глянул на жену. Та спала, ее ровное тихое дыхание убедило его, что ему ничего не мерещится. Не хотелось выбираться из-под одеяла на холод, но Илья все-таки встал с кровати. Проверил, не разбудил ли Ольгу, накинул пижаму, вышел из спальни.

Дверь в свою комнату они не закрывали с тех пор, как решили, что их ребенку пора ночевать вне родительской спальни. Оля волновалась, что они не услышат, если трехлетний Данила проснется среди ночи, испугается и заплачет. Илья предложил оставлять двери их комнат открытыми.

Он прошел к спальне сына, заглянул туда, убедился, что ребенок спит, прошел дальше, на кухню. Именно с кухни задний двор просматривался лучше всего.

Это был просторный участок, ограниченный невысоким – по пояс взрослому человеку – забором, часть которого скрывали заросли черемухи и сирени. Сейчас голый кустарник не справлялся с этой задачей, забор просматривался по всему периметру, не считая участков справа и слева, общих с соседскими дворами. Справа располагался гараж, слева – сарай, благодаря чему задний двор Ильи и Ольги Даменковых оставался скрытым от посторонних глаз. Если, конечно, не встать с тыла на тропинке, протянувшейся вдоль леса, который с этой стороны поселка подходил вплотную к домам. Задний двор, достаточно открытый, удобный, стал местом, где хозяева устраивали шашлык с друзьями и родственниками. Илья планировал оборудовать здесь песочницу, поставить качели, горку. Для Данилы и... его будущего братика или сестрички – Оля была на четвертом месяце.

Не решаясь включить свет, Илья подошел к окну. Хлопки, напоминавшие трепет белья на ветру, стали отчетливее. Плотная занавеска на окне усиливала тьму и не позволяла рассмотреть задний двор. Появилась необъяснимая тревога, Илья помедлил, прежде чем, наконец, приподнял край занавески.

Сначала Илья не заметил ничего особенного. Заметенный снегом двор, темная бесформенная масса гаража и сарая, сжавшийся под тяжестью снега мертвый кустарник, расплывчатая стена спящего леса. Илья удивился: откуда хлопки,

если на заднем дворе ничего и никого нет?

Затем он увидел человеческую фигуру.

Не происходило ничего криминального: никто ничего не тащил, никуда не крался. Человек просто стоял, глядя на дом, но у Ильи похолодела спина, и он не отпрянул от окна, отпустив уголок занавески, лишь потому, что оцепенел.

Это было неожиданно – человек, вошедший к ним на задний двор незадолго до полуночи. И, наверное, не предвещало ничего хорошего. Впрочем, это предположение отодвинули на задний план другие детали. Неизвестный был в длинном темном плаще, не черном, скорее фиолетовом или бордовом. Света уличных фонарей со стороны фасада хватало лишь на то, чтобы различить некоторые мелочи.

Одежда визитера показалась Илье тонкой, совсем не зимней. Он напоминал того, кто, замерзая в лесу, решился постучать в первый попавшийся дом в поисках приюта. Именно полы его плаща трепетали, издавая те самые хлопки, что подняли Илью с кровати. Полы трепетали, несмотря на отсутствие ветра – в противном случае шевелились бы ветви кустарника.

Спустя минуту или около того Илья решил, что человек на заднем дворе – женщина. Он сам не объяснил бы, почему пришел к такому выводу. Капюшон плаща накинут на голову, лицо не рассмотреть. Наверное, причина в росте и хрупком сложении. Илье показалось, что женщина вошла во двор босиком. Ему не удалось рассмотреть обувь, хотя полы плаща не скрывали ноги полностью.

Очередной хлопок странной одежды под несуществующим порывом ветра заставил Илью прервать это созерцание. Нужно что-то делать. Он отпустил занавеску, и задний двор скрыла тонкая белая ткань. Илья оглянулся, подумав, не разбудить ли жену? Отказавшись от этой затеи – Оля беременна, он ее только напугает – Илья решил выяснить все сам. К ним на задний двор кто-то вошел, и он как хозяин дома получит объяснения. Вдруг этой женщине, в самом деле, требуется помощь?

Илья шагнул к веранде, к выходу на задний двор, осознал, что у него босые ноги, поискал во мраке холодной веранды хоть какую-то обувь. Нашлись старые

тапочки – в них Илья выносил мусор или спускался в подвал, когда было тепло.

Он отодвинул засов, когда появилась мысль-предупреждение: он выходит из дома в пижаме, безоружный, без уверенности, что это не какие-нибудь отморозки-грабители странным способом выманивают хозяев. Но было поздно – он толкнул дверь, холодный воздух иголками впился в обнаженные голени, быстро пополз вверх, забираясь под пижаму, вгрызаясь в бедра и ягодицы.

Илья застыл.

Во дворе никого не было...

Илья покосился влево, затем – вправо.

Пусто. Словно никого и не было.

Появилось абсурдное желание вернуться в кухню и выглянуть в окно. Убедиться, что оттуда задний двор предстанет пустым, без странного визитера, минуту назад стоявшего в неуместном одеянии и, кажется, босиком.

Вместо этого Илья шагнул вперед, спустился с невысокого крыльца на заснеженную землю.

– Эй? Кто тут?

Никто не ответил.

Любопытно: могла ли та женщина в плаще покинуть двор, пока Илья искал на веранде обувь и открывал заднюю дверь? Теоретически это возможно, если двигаться очень быстро. Впрочем, теоретически возможно многое. А вот в реальности...

Женщина в плаще стояла шагах в пяти от калитки – у выхода с заднего двора на лесную тропу. И калитка была закрыта. Уйти из поля зрения человека, выходящего с черного хода, можно было, лишь побежав. Да, только с помощью быстрого бега. Неужели женщина в плаще заметила Илью в окне и догадалась, что он вот-вот выйдет на задний двор? Если так и она ничего не хотела

объяснять хозяину, что она вообще здесь делала? В тонком плаще, босиком?

Немевшие от холода ноги укрепили Илью в уверенности, что женщина в плаще замерзала, стоя на одном месте неопределенное время. Если так, она тем более не могла бежать. Куда же она подевалась?

Илья шагнул к калитке. Тревога, перераставшая в страх, тянула его назад – в дом, но он лишь коротко оглянулся на дверь, сомневаясь, оставлять ли ее открытой или все же прикрыть, чтобы не напустить в дом холода? Так и оставил открытой, как будто не рискнул отрезать единственный путь к отступлению. Десяток шагов – и он оказался на том месте, где стояла женщина в плаще. Он посмотрел на калитку, на лес. Подумав о следах, опустил голову, вглядываясь в землю.

На минуту он забыл о холоде, о боли в обнаженных ногах.

Следы были, но... Несмотря на приличный слой снега, они показались неотчетливыми, припорошенными, что ли. Как если бы женщина стояла здесь пару часов назад, до того, как поздним вечером недолго шел снег.

Илья оглянулся назад, на собственные следы. Так и есть – собственные следы отчетливы. Илья окинул взглядом лес. Ему стало нехорошо: внутри как будто появился кусок льда. Могла ли женщина в плаще быть галлюцинацией? Илья ходил во сне, вышел во двор, после чего проснулся, стоя возле калитки? Не факт, что раньше с ним такого не случалось – всегда что-то случается в первый раз. Значит, ходил во сне? Во сне выглянул в окно и увидел то, чего не было? Иначе как это объяснить? Возможно, это происходило с ним раньше, но он ложился спать и на утро ничего не вспоминал. И сегодня, прежде чем он вернулся в постель, его разбудил холод.

Илья повернулся назад, согласившись с тем, что иногда бывает лунатиком, снова посмотрел на землю. Не будь здесь следов, объяснение с хождениями во сне стало бы подходящим. Но следы были. Они выглядели как оставленные здесь несколько часов назад, но никак не минут. Илья мог поклясться, что сейчас не спал, только не на этом холоде в рваных тапках. И припорошенные снегом следы не были сновидением. Он видел их в реальности.

В очередной раз окинув взглядом лес, Илья покачал головой и поспешил в дом. Ко всем чертям эти следы! Он уже не чувствовал больших пальцев обеих ног. Кто бы ни заходил к ним во двор, ничего страшного не случилось. Ну, забрел кто-то – на здоровье! Быть может, такой же, как те лунатики, что ходят по крыше и не падают.

В кухне, поглядывая в окно, Илья массировал ступни, пока в пальцы не пришла горячая ноющая боль. На всякий случай Илья выпил горячего чая. И только потом вернулся в спальню.

Заснуть удалось лишь под утро.

2. Пролитый кофе. Что мерещится соседям

Илья пил кофе с молоком, когда одна-единственная фраза жены заставила его поперхнуться и пролить горячий напиток себе на рубашку. Ольга, гладившая на кухне штанишки Данилы, ахнула, бросилась к мужу.

– Вот растяпа... – голос был беззлобный. – Снимай, я тебе другую принесу.

Она помогла Илье расстегнуть пуговицы, поспешила в спальню. Он поморщился, стягивая испачканную одежду. Обычное утро, привычный ритуал недолгого общения с женой перед уходом на работу, пока ребенок еще спит. Все, как всегда, за одним исключением – он никогда не проливал на себя кофе.

В чем причина, что он так дернулся?

Ольга рассказывала о том, как вчера днем, взяв Данилу, проводила время у соседей. Она частенько ходила к Люде – семья подруги жила всего через два дома от Даменковых, и у них, кроме старшей дочери-школьницы, был двухлетний сын. Пока мальчишки ползали по полу с машинками и солдатиками или пинали друг друга, к счастью, без последствий, женщины могли наговориться.

Илья не имел ничего против, хотя с мужем Люды, Виктором, у них легкого, доверительного общения почему-то не получалось, и он не испытывал восторга, если соседи изредка звали их в гости. По собственному опыту Илья знал, что сидеть днями с маленьким ребенком – это можно приравнять к тяжелой, изматывающей работе, и понимал, что жене необходимо отвлекаться.

Пока Илья завтракал, он читал книгу – в последнее время он подсел на Коэльо, и это была «Дьявол и сеньорита Прим». Жена решила гладить на кухне, и он отложил книгу, с неохотой мысленно покидая далекую шотландскую деревушку. Слушал он Ольгу без особого интереса, но нить разговора не упускал.

Ольга с Людой обсудили то, обсудили это, восхитились той телепередачей, поругали этот сериал. Посмеялись над Людиным Тимкой, измазавшим шоколадом мордашку так, словно он не конфету ел, а делал сладкую маску.

Потом Оля перешла на то, как на днях Тимка разревелся среди ночи так, что Витя с Людой успокаивали его почти час. Оказывается, для Люды эта ночь была неудачной. Она проснулась около полуночи, разбуженная какими-то звуками во дворе. Выглянула в окно и увидела женщину в длинном плаще.

В этом месте рассказа жены Илья не удержал чашку с кофе.

Оля вернулась с чистой рубашкой, осмотрела ее и решила, что нужно все-таки прогладить.

– Я быстро. Ты успеешь. Допивай пока кофе.

Илья сел за стол. Возникла острая потребность рассказать жене то, о чем он уже забыл. То, что случилось всего две недели назад. О женщине в длинном плаще. В их собственном дворе.

Илья нахмурился и... удержался, не позволив себе эту слабость. Удержался с трудом. Он взглянул на талию жены. Хотя «живота» еще не было видно, Илья покачал головой. Оля слишком впечатлительная. Кто знает, как это на нее подействует? Особенно после известий от соседки.

– Вот и все, – Оля подала мужу свежую рубашку. – Готово.

Илья надел ее.

- И что Люда?

- А? - кажется, Ольга потеряла нить разговора.

- Я спрашиваю: и что Люда? Что она сделала, когда увидела... человека во дворе?

- А-а, ты про... Она разбудила Витю, но во дворе уже никого не было. Ей померещилось. У них на заднем дворе, ты же помнишь, маленькое деревце - грецкий орех. Посадили для красоты, думают, вырастет, и даже орехи будут. Наверное, в потемках не разглядела и перепугалась.

Илья накинул пиджак.

- И что Витя? Не вышел во двор посмотреть? На всякий случай.

- А что смотреть? Галюники спросонья, вот и все. Люда же не высыпается ночами из-за ребенка. Это наш уже более-менее спит до утра.

Илья прошел в прихожую, накинул дубленку. Время уже поджимало, еще надо машину прогреть, но он жаждал вытянуть из жены все мелочи. Оля, провожая его, вышла в прихожую.

- Оль, а когда это было? - как можно спокойней спросил Илья.

- Что?

- Ну, это... Когда Люде человек во дворе померещился?

Оля заглянула мужу в глаза.

- А что?

Илья опустил голову, сделав вид, что поправляет одежду. У жены хорошая интуиция, еще догадается, что он спрашивает об этом не из праздного любопытства.

- Ничего, просто спросил.

- Кажется, позавчера. Ну, давай, а то опоздаешь.

Илья подставил щеку под губы жены и вышел, меньше всего думая в этот момент о работе.

Илья остановил машину - темно-бордовую «мазду» - напротив дома Виктора и Люды.

В конце февраля дни не такие короткие, как в середине зимы, но уже стемнело, в домах повсюду горел свет. Илья глянул на окна соседей, поколебался, заглушил двигатель. Все равно не успокоится, пока не поговорит с Людой.

В течение дня он постоянно возвращался к разговору с женой, к тому, что там примерещилось их соседке, и это начало раздражать. Благо, что общение с партнерами по работе сегодня было минимальным. Давно минули времена, когда Илья был продавцом-консультантом в крупнейшем зоомагазине Славянска, и ему приходилось говорить часами. Сейчас он сидел в кресле коммерческого директора.

Илья открыл дверцу, выбрался из салона. Когда вошел во двор и приблизился к двери, стало как-то неуютно. Что если Виктора нет дома? И как он объяснит свой внезапный визит без жены? Если память не изменяет, в этот дом он приходил только с Ольгой. Неужели достаточно сказать, что его раздрает любопытство и он хотел бы узнать подробности случившегося две ночи назад от самой Люды? Что она подумает?

Илья замер перед дверью, неуверенный, что сейчас не развернется, возвратившись к машине ни с чем. С другой стороны, если уж ссылаться на любопытство, замешанное на тревоге за соседей, лучше с этим не тянуть. Рука сама собой потянулась к кнопке звонка, вдавила его. Легкий перезвон, похожий на звуки колокольчика, детский лепет, быстрые шаги. Открыла Люда. Ровесница Ильи, потяжелевшая телом после того, как родила второго ребенка.

Добродушное лицо осветилось улыбкой.

– Ильюха? Проходи, проходи, – она вытянула шею, высматривая Ольгу. – Не ожидала. Один?

Позади нее топтался ребенок, что-то лопоча на своем личном наречии.

– Да, я... один, – Илья понял, что начинает краснеть. – Я...

– Проходи, Ильюха. Малого застудим.

Илья вошел, Люда протянула руку, как бы предлагая снять и отдать ей дубленку. Илья, чтобы скрыть смущение, быстро сказал:

– Я на минуту. Кое-что спросить. Ехал домой и тормознул возле вас.

– Да пройди ты, раз уж зашел. Чайку со смородиной выпьешь.

– Спасибо, Оля ждет. Витя дома?

– Нет. Должен прийти.

Тимка, указывая на Илью, что-то сообщал матери, из чего было понятно лишь одно: пришел дядя. Люда взяла его на руки, кивнула, соглашаясь:

– Да, дядя Илья к нам пришел.

Илья осознал, что растеряется, если его застанет Виктор.

– Люда, мне Оля сегодня утром сказала, что ты... что у вас кто-то на заднем дворе шлялся пару ночей назад.

Люда нахмурилась, не понимая, о чем говорит сосед, усмехнулась.

– Мне спросонья померещилось. Подумала, у нас во дворе какая-то бабка, только зря Витю разбудила. Ты из-за этого пришел?

Илья смутился сильнее. Разговор пошел как-то не так, теперь Илья выглядел глупо.

– Я просто... Понимаешь, я подумал... Подумал, вдруг у вас действительно кто-то шнырял вокруг дома?

Люда засмеялась, и он поспешно сказал:

– Я за Олю волнуюсь. Мы же от вас близко живем. Вдруг этот... эта старуха и к нашему дому подходила?

Тимка, подражая матери, тоже захихикал.

– Ильюха, – протянула Люда. – Да приснилось мне это. Наверное, встала, еще толком не проснувшись, вот и... Нашел из-за чего волноваться.

Илья, понимая, что зря сюда пришел, решился:

– Скажи, как эта старуха выглядела?

Люда удивилась.

– Зачем тебе это? Мало ли что мне почудилось?

Илье хотелось рассказать о том, что две недели назад он тоже видел какую-то старуху у себя во дворе, но сдержался. Это дойдет до Ольги, обязательно – можно даже не стараться, умоляя Люду ничего никому не рассказывать. Все равно расскажет. И что это даст, если он признается Люде в том, что тоже кого-то видел ночью, но вовсе не уверен, что это ему привиделось? Что? Соседка изменит свое мнение и подробно опишет старуху? И что дальше?

Дальше – ничего. В конце концов, ничего плохого не случилось. Мало ли какая побирушка бродяжничала ночами по поселку?

Люда ожидала ответа на свой вопрос.

– Я просто спрашиваю, – пробормотал Илья. – Из любопытства.

Люда хмыкнула.

– Не помню я. Как можно помнить того, кто тебе на секунду померещился? Я уже и забыла об этом, пока ты не пришел.

Тимка закапризничал, вырываясь из рук матери, и под эту заминку Илья ускользнул. Сконфуженный, раздосадованный на самого себя.

К счастью, как ни странно, Люда так ничего Оле не рассказала. Не меньшая странность – уже на следующий день Илья забыл о старухе в длинном плаще.

И не вспоминал до того апрельского дня, пока у соседей не потерялся ребенок.

3. Пустые дворы. Тихий голос

Стефан потягивал в кресле остывший кофе. Из окна кухни он видел задний двор, за ним – склон, тянувшийся к самому парку, где деревья, на которых еще не набухли почки, обсыпали черные пятна галдящих ворон.

Дом клиентки – женщины в возрасте, позвонившей ему еще вчера и попросившей о помощи, – был старым, но просторным. В этом районе на окраине Славянска было немало подобных домов, подковой подступавших к старому парку. За последние годы парк превратился в свалку мусора и пищевых отходов. Не зря здесь развелось столько ворон, а кошачье племя, почувствовав набирающую силу весну, устраивало в окрестностях любовные игрища.

Что и стало камнем преткновения для спокойной жизни нескольких местных семей.

Когда хозяйка дома позвонила Стефану и сбивчиво рассказала суть проблемы, он сразу понял: краункиллеры. Добры молодцы, которые тренируют меткость на воронах. Ладно бы палили по птичкам, так еще на кошек переходили,

подстрелив домашнего кота соседей. Стефан не считал это проблемой: повыпендриваются и сами уйдут, но женщина была напугана, а направила ее к частному детективу собственная дочь – прошлогодняя клиентка Стефана, заплатившая ему в два раза больше оговоренной суммы после того, как он помог раскусить ей лживого ухажера. Стефан просто не мог отказать. Особенно после слов женщины, что полиция на ее звонок не приехала.

Впрочем, это ничего бы не изменило, сказала она, и Стефан с ней согласился. Прогонят засранцев, и что дальше? Они снова заявятся, на этот раз с большим рвением напакостить. Хозяйка не только за своего кота боялась, больше за внука – так и тянет его с другом, соседским мальчиком, в парк, в заросли, где они в «войнушку» играть привыкли. Ладно кот, его просто не выпускают на улицу, орет, правда, все углы в доме пометил, но ничего – выживет, а вот ребенка взаперти негоже держать.

Сейчас этот самый мальчишка, суетливый, лопухий, притаился в конце заднего двора – ждет, как и Стефан, непрошенных гостей и наверняка ужасно доволен своей ролью разведчика.

А Стефан, попивая кофе, хмурился. Кроме того, что краункиллеры могли сегодня вообще не появиться, вынудив тем самым Стефана прийти в этот дом завтра, а быть может, и послезавтра, он все еще не принял окончательного решения, как добиться того, чтобы эти ребятки здесь больше не появлялись. Желательно по собственной воле.

Перестрелять их из засады Стефан не мог, даже покалечить или ранить кого-нибудь. Во-первых, это не его кредо, творить такое с людьми, как бы они этого не заслужили. Во-вторых, в дело наверняка вмешается доблестная полиция, и на Стефана рано или поздно выйдут. Это его не устраивает. Как не устраивает, если краункиллеры не просто малолетние засранцы, а кто-то серьезней. В этом случае они не просто устроят охоту на новоявленного Зорро – организуют местным жителям что-нибудь похуже подстреленного кота.

В общем, задачка непростая. Когда Стефан заметил, что, посматривая на парк, ищет решение уже несколько часов, он просто перестал об этом думать и расслабился. Так у него лишь появляются сомнения, что он выполнит просьбу клиента. Лучше отключить мозги до тех пор, пока не придет время действовать. Тогда, в самый последний момент, увидев своих оппонентов, он что-нибудь да придумает. Обязательно, иначе и быть не может – Стефан всегда выполнял

заказ клиента, какой бы сложной и чудаковатой не была просьба. Хотя, бесспорно, предстоящее задание – пока самое сложное в его практике. Это вам не слезка за супругом клиентки, решившим, что его сексуальная жизнь нуждается в разнообразии.

Стефан закрыл глаза, откинул голову на спинку кресла. Всегда есть шанс, что краункиллеры вообще сюда больше не явятся, мало ли что с людьми случается? Ожидание ужаса страшнее самого ужаса, еще Хичкок придумал.

И все-таки не суждено ему было разминуться с этими ребятами.

Стефан понял это, лишь вскинув голову и посмотрев в окно. Зрение и слух зафиксировали несколько деталей, составляющих единое целое: через двор, спотыкаясь, неся лопухий внук клиентки; черные пятна ворон взмыли к небу, усилив свой гомон; а сквозь карканье донеслись звуки выстрелов из духовых ружей.

Стефан встал, покачав головой, натянул черную вязаную шапочку и вышел из дома.

Послеобеденный сон, который Илья позволял себе в выходные дни, прервал стук в дверь.

Первой мыслью было: какого черта так колотить в дверь, если есть звонок? Илья приподнялся на кровати, посмотрел на часы. Было четыре пополудни, и этого в принципе оказалось достаточно – Илья лег полтора часа назад.

Стук перешел в резкий испуганный голос, в котором Илья не сразу узнал соседку Люду. Что-то стряслось, в противном случае соседка не стала бы врывать к ним через заднюю дверь.

Илья встал, глянул в зеркало, на ходу пригладив волосы, и вышел из спальни.

Оля дремала днем редко, если даже не получалось выспаться ночью. Этим она отличалась от своих мужчин – и мужа, и сына. Обычно, пока Илья наверстывал упущенное за пять рабочих дней, она занималась домашним хозяйством.

Когда в их дом пришла Люда, Оля кормила Данилу сладкой рисовой кашей с изюмом. Сейчас ребенок с набитым ртом, не прожевав, растерянно смотрел на двух встревоженных женщин. Когда Илья вошел в кухню, обе замолчали, и Люда, прикрыв на секунду глаза, приложила ладонь к левой стороне груди.

Илья, нахмурившись, потрепал сына по волосам, но ничего спросить не успел – его опередила жена. Оглянувшись, Оля выдохнула:

– Тимка потерялся.

Илья глупо улыбнулся.

– Оль, что ты...

– Людка думала, что он к нам прибежал. У них во дворе его нет.

Данила задержал взгляд на матери и... захныкал. Тихонько, быстро распаясь.

– Данила, – Илья погладил мальчика по голове и обратился к жене: – Успокой его, я сейчас.

Он шагнул к Люде, развернул ее к задней веранде, вывел из дома.

– Что происходит, Люда?

Соседка растерянно осмотрелась. Похоже, испуг за ребенка уступил место оцепенению. Как под действием лекарства, она пробормотала:

– Он во дворе гулял... на веревочке машину катал. Я только на пять минут его оставила – мне свекровь позвонила.

Она замолчала, Илья ее подтолкнул:

– Что дальше? Ты вернулась – и что?

– Его уже не было. Я его искала, думала, он вокруг дома бегает, но его нигде не было. Я его уже и звать стала. Вышла к лесу и подумала, что он к вам пошел. К Даниле.

Как потеплело, сошел снег, подсохла тропинка, детей водили друг к другу в гости за домами – так женщины, меняясь, дарили друг другу час-два спокойствия. Сначала одна посидит с ними, потом другая. Один раз Оля вышла с ними на тропу и, увидев Люду, ожидавшую у входа на свой участок, помахала ей и не повела детей, предоставив им возможность побыть самостоятельными. Данила и Тимка, взявшись за руки, держа каждый по машинке, потопали сами. Конечно, Оля вернулась во двор, лишь убедившись, что дети дошли до соседки.

Тимка захотел к своему другу и ушел без спроса?

– Его здесь не было? – Илья уже понял, что это так.

Люда покачала головой.

– Он, наверное, в лес ушел.

– Подожди, Люда, не волнуйся раньше времени. Я думаю...

– Он постоянно просился в лес, несколько раз истерики закатывал. Я ему тысячу раз говорила, что в лес нельзя, что он заблудится.

Ее затрясло.

– Так, Люда, не надо только...

На крыльцо вышла Оля.

– Илья, что нам делать? Может, участковому позвонить?

– Постой, постой. Нечего в панику впадать. Успокой пока Люду, я сейчас. Думаю, Тимка забрел к кому-нибудь из соседей. Кстати, где Витя?

Вместо Люды ответила Оля – наверное, она это первым делом узнала.

– По каким-то делам в город уехал.

Илья покачал головой.

– Вот незадача. Вы ему это... пока не звоните на сотовый. Надеюсь, Тимка сейчас отыщется.

Краункиллеров было четверо. С двумя духовыми ружьями.

По их лицам Стефан не сказал бы о роде занятий с уверенностью. Они могли быть как мелкими бандитами, которым в последнее время не так уж легко без последствий проявить свою силушку, так и студентами какого-нибудь техникума, не знавшими, куда деть энергию до того, как начнется аврал очередной сессии. Одеты почти одинаково: ветровки, спортивные штаны, кроссовки. Двое в вязаных шапочках, натянутых почти до бровей. Старшему не больше двадцати пяти. Сопляки. Хотя и сопляки могут искушать до смерти.

Стефан приближался к ним медленно, суетиться уже не было смысла. За спиной – серые молчаливые дворы, впереди – покосившаяся ограда парка, а перед входом – мусорные бачки, всякий хлам. Справа метрах в пятидесяти, у въезда в ближайший переулок стоял неприметный синий автомобиль, кажется, «Опель». Стефан молча укорил себя. Подъехали ребятки тихо, но он должен был услышать машину, догадаться, кто на ней прибыл, прежде, чем раздались выстрелы. Впрочем, так даже лучше: добры молодцы уже чуть-чуть выпустили пар; так сказать, слегка перекусив, уходить из гостей не так обидно, нежели всего лишь взглянув на стол.

Стефана заметили. Двое опустили «духовушки», поглядывая на парня в серой шапочке, с неприятным вытянутым лицом и жиденькой козлиной бородкой. Кажется, он у них самый главный.

– Ты здесь что-то забыл, земляк? – подал голос Козлиная Бородка.

Остальные смотрели настороженно, но чувствовалось, что это всего лишь «фаза знакомства». Убедятся, что Стефан не переодетый мент, и осторожность их

улетучится.

– Похоже, это вы здесь что-то забыли, – Стефан говорил вполголоса.

Он заметил пару вороньих трупов, возле бачков что-то покрупнее, кажется, кошка. Захотелось выхватить пистолет и уложить всех на землю. И пинать ногами, слушая их вопли. Однако это не решение. Эти гиены, возможно, быстро забудут свой собственный страх и вернутся обратно, надеясь поквитаться. Во всяком случае, с этим всегда успеется.

Козлиная Бородка криво ухмыльнулся.

– Послушай, чувак, шел бы ты куда подальше. Мы тут никого не трогаем, а если тебе птичек жалко, это – твои проблемы, по воронью плакать.

Стефан едва не указал на кошку возле мусорных бачков, это стало бы ошибкой. Взывать к любви к бездомным животным не имело смысла. Для этих, что вороны, что кошки-собаки – никакой разницы.

– Не в птичках дело, – сказал Стефан. – Просто вы, парни, заявили на чужую территорию. Парк давно принадлежит одному человеку, а я тренирую здесь его ребят. Сами понимаете – толпе здесь не место.

Козлиная Бородка напрягся.

– Чего несешь? Какой человек? Ты стрелять хоть умеешь?

Стефан улыбнулся. У него уже зрело что-то в голове, и последние слова краункиллера подтолкнули идею к завершению. Скорее всего, Козлиная Бородка был неплохим стрелком, но Стефан пошел на стрельбу еще в десятилетнем возрасте.

– Хотел бы проверить? – спросил Стефан. – Я не против. Это самое оптимальное решение...

Один из краункиллеров, низенький, неожиданно выхватил пистолет – такой же, как у Стефана, «Макаров». Похоже, даже Козлиная Бородка не ожидал этого

от своего дружка.

– Крутой, говоришь? – пробормотал краункиллер.

Недоумение на лице Козлиной Бородки сменилось ухмылкой, он снова посмотрел на Стефана, как бы спрашивая, не окончен ли теперь «базар». Стефан никак не отреагировал на наведенный пистолет. По глазам Низенького он понял, что краункиллер не выстрелит, если только Стефан не бросится к нему. Еще бы: их могли видеть минимум из двух домов, а возможность убить десяток ворон не стоило потенциального обвинения в попытке убийства человека.

– Убери, – Стефан говорил спокойно. – Еще кто увидит, ментов вызовет. Они здесь не нужны. Мочить друг друга ни мне, ни вам не выгодно. Тогда уже никто сюда не придет, и тот, кто останется жив, тоже.

Его уверенность, спокойствие произвели впечатление, но Козлиная Бородка все еще ухмылялся, а его дружок по-прежнему целился в Стефана. Двое других топтались на месте, сжимая «духовушки», но не вмешиваясь.

– Мозги только не пудри, – пробормотал Низенький. – Мы тоже базарить умеем.

– Да убери ты «пушку»! Думаешь, продырявишь меня, и на этом все закончится? У меня такая же игрушка есть.

После этих слов Стефан выхватил пистолет. Низенький отступил на шаг, вытянул руки перед собой, а Козлиная Бородка изменился в лице. Стефан не стал целиться в Низенького, просто показал пистолет.

– Видишь? – и спрятал его обратно.

Козлиная бородка испытал облегчение, Низенький спрятал пистолет под ветровку. Стефан равнодушно следил за его движениями, а про себя решил: первый, самый важный шаг, кажется, сделан.

– Теперь вот что, – сказал он. – Если вы не гопники, на которых здравый смысл не действует, должны понять: мы не баксы делим, а всего лишь какой-то занюханный парк с вороньем. И потому дырять друг друга просто смешно.

– Что ты предлагаешь? – все еще хорохорясь, спросил Козлиная Бородка.

– Кто у вас лучший стрелок? Ты? Отлично. Давай выясним, кто из нас Соколиный Глаз. Тот и останется, а другой свалит отсюда навсегда. Идет?

Козлиная Бородка с сомнением посмотрел на Стефана, покосился на дружков, и Низенький пробормотал:

– Давай, Лис, хрен с ним. Ты его сделаешь.

Минуту они решали, на чем проверять меткость. Двое краункиллеров направились к мусорным бачкам, нашли четыре стеклянные бутылки из-под дешевого вина. Низенький сходил к «Опелю», принес еще две пустые бутылки из-под пива. Стефан старался не смотреть в сторону бачков, чтобы не видеть подстреленную кошку. Сейчас ему необходимо спокойствие, а не злоба. Лишь так он проявит все свои качества.

– Куда ставить? – Низенький огляделся.

Козлиная Бородка хотел что-то сказать, Стефан его опередил:

– Мы их подбрасывать будем. Так быстрее понять, кто лучший.

Козлиная Бородка покосился на Стефана, переглянулся с Низеньким. И Стефан быстро сказал:

– По неподвижной мишени и дурак попадет. Или сдрейфил, земляк?

Козлиная Бородка фыркнул, взял у дружка «духовушку», пробормотал:

– Сам напросился.

Молчаливый краункиллер нехотя отдал Стефану свою «духовушку». Тот проверил оружие, встал на одну линию с Козлиной Бородкой. Низенький с пустыми бутылками прошел к парковой ограде справа от входа и мусорных бачков, остановился на расстоянии метров двадцати от стрелков.

Стефан вытащил монетку.

– Орел? Решка?

– Орел, конечно.

Стефан подкинул монетку, прихлопнул в ладонях, убрал руку.

– Орел. Ты – первый стреляешь.

Козлиная Бородка поджал губы, занял позицию, чуть расставив ноги.

– Давай! – крикнул он дружку.

Поселок Озерный с высоты птичьего полета или на крупномасштабной карте напоминал полумесяц. Если исходить из сторон света – растущий полумесяц, где-то одна четверть. Его южная оконечность, более тонкая, нежели северная, являлась единственным выездом на автостраду.

С запада к поселку, к вогнутой стороне полумесяца вплотную подходил смешанный лес. В основном – мелколиственная порода: береза, осина. Совсем немного ольхи, орешника и вяза. Были отдельные части из одного ельника – мрачные, темные и сырые.

Лес подходил вплотную к поселку со всех сторон, но с востока, с выгнутой стороны растущего полумесяца, он был реже и светлее, а определенную часть этой стороны у леса отвоевало озеро. Неширокое, отчасти выгнутое наподобие самого поселка, названия оно не имело – просто озеро. Начиналось оно сразу за домами, к нему вели не менее десятка коротких переулков.

Илья и Оля Даменковы, также как Виктор и Людмила Короткевичи, жили в северной части вогнутой стороны полумесяца. Женщины давно нашли плюсы в том, что озеро расположено с восточной стороны поселка: пока дети подрастают, им невдомек, что можно пойти на озеро и купаться без взрослых. Севернее дома Даменковых располагались всего четыре дома, дальше продолжался лес. Как рассчитывал Илья, для маленького мальчика мест –

соседских дворов – куда он мог зайти, влекомый любопытством, было более чем достаточно.

Сначала Илья свернул влево – проверить два двора, что находились между его домом и Короткевичей. Возможно, ребенок, направившись к другу Даниле, просто не дошел, по дороге обнаружив что-то более любопытное. Илья надеялся, что идти в другую сторону – к окраине, не понадобится вообще.

Рядом жила пожилая пара, за ними – вплотную к Короткевичам – люди зрелого возраста, двое их сыновей жили и работали в Славянске, нечасто приезжая в Озерный.

Илья остановился напротив дома соседей, осмотрел задний двор. Здесь калитки не было, в отличие от участка Даменковых и от большинства других соседских дворов, упирившихся в лесную чащу. Однажды эти люди, огораживая двор, решили, что им вовсе не нужен свободный выход в лес. Правда, их ограда из нешироких и редких досок вряд ли остановила бы маленького мальчика – даже Данила, более крупный ребенок, протиснулся бы во двор.

Двор занимала теплица, разросшийся кустарник, и часть территории было не разглядеть. Илья позвал ребенка. Тимка не отозвался. Залаяла овчарка, чья будка находилась с торца дома. Звякнула цепь, показалась оскаленная морда. Несмотря на то, что эта собака видела Илью много раз, ничего не менялось – при первой же попытке войти сюда животное начинало бесноваться.

Илье не хотелось беспокоить соседей – если хозяйка милая общительная женщина, то ее муж предпочитает, чтобы его навещали и заговаривали с ним как можно реже. Выбора не было. Нужно убедиться, что Тимка не пробрался сюда и не сидит сейчас на кухне, наслаждаясь предложенной конфетой.

Вышла хозяйка.

– День добрый, Зинаида Евгеньевна! Извините за беспокойство, к вам случайно Людин Тима не забредал? Вы его не видели?

Женщина подошла ближе, покачала головой.

– Нет. А что случилось?

Не хотелось говорить правду, но Илья успокоил себя тем, что главное сейчас – чтобы мальчик отыскался. Илья быстро объяснил, что Тима, похоже, направился к Даниле, но куда-то забрел и Люда забеспокоилась.

– Наверное, залез в чей-то двор, – Илья пошел дальше. – Еще раз извините за беспокойство.

– Ничего, ничего.

Низенький подкинул пустую бутылку вверх и в сторону. Переворачиваясь в воздухе, «мишень» на мгновение замерла метрах в четырех над землей. И, как только начала падать, Козлиная Бородка выстрелил.

Стекло разлетелось – стрелок попал.

Краункиллеры заулюлюкали, пританцовывая, и Козлиная Бородка, заулыбавшись, с презрением покосился на соперника. Стефан вообще не обратил внимания на реакцию добрых молодцев, он сосредоточился на бутылке в руках Низенького. Тот, улыбаясь, ждал сигнала от следующего стрелка.

– Давай! – сказал Стефан.

Низенький подкинул вторую бутылку – на этот раз гораздо резче и больше в сторону, чем вверх. Стефан выстрелил, как только взял бутылку на прицел – она уже была в метре над землей – и стекло разлетелось на несколько крупных осколков.

Теперь краункиллеры молчали, зло поглядывая на Стефана, лишь его соперник ухмыльнулся. Он зарядил «духовушку», приготовился, подал знак, выстрелил, и... бутылка упала на землю целой.

Низенький очумело уставился на дружка, тот выругался, сплюнул, опять выругался. Казалось, Козлиная Бородка вот-вот бросится на дружка, но кое-как сдержался. Стефан посмотрел на Низенького, взявшего очередную бутылку,

и решил, что надо бы предупредить:

– Маленькая просьба, земляк: бросай больше вверх, чем в сторону. Не надо халявить. А то ты, я смотрю, просто уронишь бутылку на землю, а мне скажешь, что я плохо целился.

– Он все нормально делает, – лицо Козлиной Бородки пошло красноватыми пятнами.

Стефан никак не отреагировал на эту реплику, он готовился к следующему выстрелу. Он выждал десять секунд, чтобы сосредоточиться, и подал знак Низенькому. Тот подкинул бутылку, опять неудобно для стреляющего, но Стефан выстрелил еще быстрее, чем в первый раз, и бутылка разлетелась вдребезги.

Секунду-другую никто не произносил ни слова, затем Козлиная Бородка посмотрел на Стефана:

– У нас по три выстрела. Надеюсь, ты не забыл?

Стефан пожал плечами. Он не сомневался: промахнись он вместо Козлиной Бородки, и краункиллеры тут же посчитали бы спор законченным даже после двух выстрелов. Впрочем, теперь все в его руках: точно выстрелить еще раз, и уже неважно, что выйдет у краункиллера.

Козлиная Бородка долго готовился, наконец подал знак, и Низенький подкинул бутылку: плавно, почти осторожно, словно подбрасывал для любимого младшего брата. Он подкинул бутылку строго вверх, даже несмотря на риск, что дружок его зацепит.

Козлиная Бородка выстрелил, бутылке снесло горлышко, но это также считалось точным выстрелом.

– Есть! – воскликнул краункиллер, сосредоточив все внимание на сопернике. – Если промахиваешься, стреляем еще по разу, и так – до первого промаха.

Казалось, он старался подавить Стефана психологически. Остальные тоже уставились на частного детектива. Низенький растерянно глянул на Козлиную Бородку, поднял бутылку, застыл в ожидании.

Стефан не тянул, быстро встав в стойку, он подал знак.

Низенький остался неподвижен. Бутылку он не подбросил, поглядывая на Стефана. Частный детектив снова крикнул:

- Давай!

Низенький пошевелился, вроде размахиваясь, но снова не выпустил бутылку из рук.

- Ты сделал лишний шаг вперед! – воскликнул он.

Это была ложь, но Стефан шагнул назад, выкрикнув:

- Бросай! Или я прострелю ее в твоих руках!

Подействовало: Низенький отшвырнул бутылку, еще резче, чем в первых два раза. Бутылка не пролетела бы и трех метров, прежде чем упасть на землю. Выстрел Стефана расколол ее почти над самой землей. Частный детектив повернулся к Козлиной Бородке:

- Мы договорились о трех выстрелах, сам сказал. Вопросы есть?

Козлиная Бородка хотел что-то сказать, промолчал, только взял из рук Стефана духовое ружье. Он кивнул друзьям, пошел к машине. Никто из них не оглядывался. Стефан не сдержался, крикнул им напоследок:

- Не забудьте: вы сюда больше не приходите. Или вместо меня придут другие, а они вряд ли будут разговаривать.

Козлиная Бородка обернулся, снова промолчал, лишь некрасивое лицо показалось уродливым и старым. Когда краункиллеры сели в машину, Стефан быстро прошел за мусорные бачки, туда, где лежала кошка.

Она еще была живой. Стефан заметил, как дернулись ее лапы, хотя это казалось немыслимым: из пробитого живота уже вывалились внутренности. Стефан присел перед кошкой на корточки, не зная, что делать. Он оглянулся, посмотрел на кошку. Спасти ее не удастся, да в Славянске и не было достойной ветлечебницы, где проводили бы сложные операции.

Стефан заметил, что кошка, останься она жива, скоро бы окотилась.

- Господи... Что ж с тобой делать? Я не смогу... тебя добить.

Кошка приподняла голову, посмотрела на человека. Взгляд ее был туманным, глаза закатывались, рот судорожно скалился. Стефану стало не по себе: казалось, он улавливал боль кошки. Мужчина опустился на колени, пригнулся, коснувшись рукой ее головы, легонько погладил между ушей.

Затем случилось нечто странное, что впоследствии еще несколько недель оставалось для Стефана бессмыслицей. Он услышал тихий голос, как будто кто-то нагнулся сзади к самому плечу Стефана. Одновременно этот голос исходил от кошки и... звучал в голове? Кажется, так.

Всего секунда. Стефан резко оглянулся, но сзади никого не было, только из-за забора выглядывал лопухий мальчишка, не решаясь подойти к частному детективу.

Стефан снова посмотрел на кошку, но взгляд ее глаз уже застыл: она была мертва. Растерявшись, Стефан осмотрелся. Нет, поблизости никого не было, как не было возможности подойти к Стефану так, чтобы он не заметил. И все-таки он слышал голос, даже слова разобрал, вот только...

Что? Слова звучали абракадаброй, набор звуков, а смысл-то Стефан уловил, но... Этот смысл уже улетучивался, как сон, забытый сразу после пробуждения, ухватить его было нереально. Пока Стефан оглядывался, выясняя, кто бы это мог ему шептать из-за плеча, суть сказанного таяла, оставляя после себя след из трех непонятных слов. Секунда-другая – уже эти слова подернулись странным налетом, и Стефан не выговорил бы их, хотя считанные мгновения назад эти слова казались выдолбленными в камне, лежащем перед глазами.

Стефан поднялся с колен. Он чувствовал себя измотанным, как никогда раньше, словно из него выкачали все энергию.

– Нелегкий денек, – сказал частный детектив.

В следующем дворе Тимы тоже не оказалось.

Илья вошел на задний двор, поспешил к дому. Благодаря тому, что сегодня выходной, люди находились у себя. Прежде чем хозяин открыл дверь и на вопрос о мальчике покачал головой, Илья догадался, что Людиного сына не было и тут.

Теперь Илья уже не верил, что Тимка пробрался на один из соседских участков. Илья, конечно, заглянет еще в три-четыре двора по другую сторону дома Короткевичей, затем вернется и пройдет соседей от своего дома, но крепла уверенность, что это ничего не даст.

Илья уже проходил участок Виктора и Люды, только приостановился на пару секунд – убедиться, что ребенок случайно не вернулся. Взгляд его скользнул по двору и задержался на отпечатке маленькой ноги в нескольких шагах от калитки. Это был Тимкин след, отпечатавшийся на влажной земле, и теперь Илья окончательно убедился, что мальчик покинул двор через заднюю калитку. И, судя по тому, что у соседей его нет... ребенок, возможно, пошел в лес.

Илья остановился, осматривая землю, но тропа была утопанной и не оставляла следов. Он взглянул на лес. Шагах в двадцати параллельно тропе тянулась полоска еще не растаявшего, почерневшего снега. Полоска протянулась напротив дома Короткевичей и до середины участка соседей.

Если мальчик двинулся в лес сразу от своего дома, он не мог переступить снег – полоса для ребенка слишком широкая. Если так и Тима действительно пошел в лес от двора, на снегу остался след.

Илья двинулся к грязно-белой полосе. Шел и надеялся, что ошибается.

Не ошибся.

Снег запечатлел две маленьких ступни – два шага, понадобившихся двухлетнему мальчику, чтобы пройти дальше.

Илья остановился, покачав головой. Представил лицо Люды, ему стало не по себе. Как далеко ушел Тимка? Илья поколебался, несколько раз позвал мальчика. Бесплезно – ребенок не откликнулся.

Люда сказала, что оставила мальчика на пять минут, но Илья подозревал, что времени прошло больше. Он бы и сам плохо сориентировался после телефонного разговора. Пока мать говорила по телефону, мальчик мог уйти достаточно далеко, чтобы не слышать крики с опушки.

Похоже, в одиночку не обойтись – Илья пойдет в одном направлении, и необязательно в том, куда двинулся ребенок. Он вернулся к своему дому и во дворе увидел жену с заплаканной соседкой.

– Мы позвонили Виктору, – сказала Оля.

Илья кивнул.

– Звони нашему участковому. Я соберу соседей. Надо торопиться – скоро стемнеет.

Люда замерла, глядя на него.

– Илья?

– Мальчик, наверное, пошел в лес.

4. Овраг. Сумасшествие

Свет множества факелов, фонарей. Людские тени. Приглушенные голоса, от которых на спине рождается дрожь.

Илья продвигался вперед, поглядывая на людей в цепи. Каждый из них – в шагах десяти-пятнадцати. Время от времени Илья тоже выкрикивал имя Тимы и перекладывал факел из одной руки в другую.

Время приближалось к полуночи, и он устал. Промокли ноги – в глубине леса снега оказалось гораздо больше, как и влажной почвы. Не додумался он обуть кирзовые сапоги, пошел в обычных полуботинках. Хорошо, что хоть Олю уговорил остаться дома, нечего ей здесь делать. От одного лишнего человека толку больше не станет.

Пока было светло, Илья собрал соседей – человек десять мужчин. К счастью, никто не роптал, не уточнял детали. Даже вечно недовольный муж Зинаиды Евгеньевны – Михайлович. Прибыл и Виктор – встревоженный, непохожий на обычного себя, улыбочивого и слегка развязного.

Растянувшись цепью, люди прочесали часть леса у северо-западной оконечности поселка, но ребенка не обнаружили. К ним присоединился участковый – капитан Назаров, молодой, не больше тридцати двух, толковый и отзывчивый. Как говорили в поселке – «правильный мент». Он убедил Илью и Виктора вернуться назад, чтобы увеличить количество тех, кто включится в поиски. И заодно – вооружиться фонарями и факелами, ведь дело шло к сумеркам.

Люда была на грани истерики. Ее, конечно же, не пустили в лес, оставив на Олю и на старшую дочь. Пока жители поселка готовились, их число увеличилось до тридцати – Назаров вызвал из соседней деревеньки егеря и двух его помощников. С егерем Назаров рассчитывал руководить людьми эффективней.

Лес, прилегавший к поселку с запада, тянулся почти до самого Славянска. Ближе к городу лес, конечно, редел, но первые километры восемь от поселка был довольно густой. Этот приличный квадрат было нелегко прочесать. Кроме того, многие понимали – мальчик, хоть и тепло одетый, ночью замерзнет и не выживет. По ночам температура опускалась ниже нуля. Нужно было торопиться, но даже сотня человек вряд ли все успеет за целую ночь.

Люди дважды возвращались к поселку, снова уходили вглубь чащи километров на пять-семь, прочесывая очередной сектор. Назаров останавливал людей всего два раза – подождать отставших, убедиться, что все чувствуют себя нормально и готовы продолжить поиски, сколько понадобится. С каждым часом надежды

таяли. Никто ничего вслух не говорил, но Илья видел это по лицам людей, когда у окраины поселка они сближались, чтобы развернуться и опять пойти в лес.

Подключились две группы кинологов с собаками, вызванные из Славянска, но все равно взять след не удалось. То ли сами добровольцы затоптали следы, то ли еще по какой причине.

Когда пошли от Озерного в третий раз, была ночь. Илья спросил себя, кто и когда остановит поиски? Он уже с трудом передвигал ноги, но понимал, что будет участвовать в поисках, если даже они продлятся до рассвета. Отдых нужен не только ему, но в сознании крепла мысль, что Тимка не переживет эту ночь, если его не найти.

Вскоре на пути возник ельник с белыми пятнами выживших сугробов, за которым появится овраг, глубокий, метров двадцать в ширину, с крутыми, скользкими склонами. Естественное препятствие, где многие упадут или споткнутся, поспав в ночной воздух не одно проклятие. Овраг протянулся почти на километр, и поисковая группа наткнулась на него еще в прошлый раз.

Илья вгляделся вперед. В этом месте овраг зарос плотным кустарником. Илья тяжело вздохнул, покосившись на цепочку огней, приближавшихся к оврагу, и приготовился к спуску.

Иван, крупный пятидесятилетний мужчина, встал у склона и посмотрел вниз. Из-за тьмы дно оврага превратилось в бездну. Из-за тьмы казалось, что у оврага вообще не было дна.

Иван поморщился. Как в своем уме можно лезть ночью в такой овраг? Между тем мужики, кто шел по сторонам от него, уже спустились вниз. Иван заметил, что пятна света – факелы в руках людей – как будто погрузились под землю.

И кто только заставил его снять телефонную трубку? Жена давно стала прошлой жизнью, сиди себе, потягивай пиво, смотри телевизор. Никто специально не пришел бы в его дом, позвонили – не поднял, ну и ладно. В Озерном кроме него достаточно мужиков, чтобы искать какого-то пацаненка, которого не досмотрела мать.

Теперь Иван мучился, ему уже ничего не хотелось. Наверняка он схватит простуду, а ноги завтра закрутит так, что весь день Иван проваляется на диване.

И еще этот овраг! Ни обойти, ни повернуть назад.

На секунду у него мелькнула идея: развернуться и просто уйти. Глядишь, в этой суматохе его исчезновение и не заметят.

Конечно, он не решился. Слишком велик риск, что Назаров снова проверит людей и не досчитается одного рыла. Быстро или не очень народ дознается, кто исчез, и потом стыда не оберешься. Это не считая злости, когда людям придется искать еще одного пропавшего, а после выяснится, что пропавший давно отмокает в горячей ванне. Нет уж. Свой шанс он упустил, когда снял телефонную трубку и на вопрос, может ли он помочь людям, ответил утвердительно.

Иван вздохнул. Ничего не попишешь: прожив полвека на этом дрянном свете, ему придется, словно мальчишке, лазать по оврагам. Он присел на корточки, опустил руку с факелом как можно ниже. Бездна исчезла, но то, что он увидел, надежды не вселило. Крутой, выглядевший опасно склон, дно под слоем грязи. И эту грязь не перепрыгнуть – нужно минимум три здоровенных шага, чтобы достигнуть противоположного склона, где почва выглядит суше.

Иван покачал головой. Не лучше ли сместиться в сторону и поискать другое место? Он огляделся и выбрал направление по правую руку. Прошел шагов десять, присел и опустил факел к самой земле. Немного лучше, но все равно не то. Он подумал, не пройти ли еще немного, но заметил, что пятна факелов уже на другой стороне оврага. Пока он колебался, большинство людей одолели овраг.

Иван махнул рукой и, придерживаясь одной рукой, начал спускаться. Глинистая каша на дне жадно вцепилась в ступни, пытаясь засосать в себя. Поморщившись, Иван ступил на противоположный склон. Подниматься оказалось намного трудней, нежели спускаться. Когда, пару раз ругнувшись, Иван одолел две трети склона, случилось нечто странное.

Он как будто на что-то напоролся, его что-то оттолкнуло, и вместе с этим пришел страх. Испуг, который никак не объяснить. Казалось, Иван едва не сорвался в пропасть, притом, что понимал – максимум, что грозило, это упасть спиной в грязь.

Иван подался вперед, и снова возникло ощущение, что кто-то невидимый мягко, но непреклонно отталкивает его. Скорее даже не отталкивает, просто не пускает, но напор Ивана превращается в силу с противоположным знаком. Иван поскользнулся и, чтобы не упасть, вжался в склон. Факел угрожающе вздрогнул, но не потух. Во рту Иван ощутил сырой песок.

Почему-то это вызвало приступ гнева. Иван, обычно спокойный, аморфный и ленивый, иногда, если его кто-то сильно задевал, становился бешеным. Сейчас произошло нечто похожее. Он разозлился – на склон, на грязь, на людей, которые уже двигались вперед по ту сторону оврага, на Илью, позвонившего ему, на самого себя.

Несмотря на непонятный страх, на странную сложность в преодолении считанных метров, Иван зарычал, выплевывая песок, и ринулся вперед. В последний момент он заметил, что выскакивает в кустарник – густую, будто стена крепости, поросль, и разумнее сместиться в сторону на десяток шагов. Иван не сделал этого – он ничего не соображал от злости. И он продрался сквозь колючую поросль.

Продрался, оказавшись на поляне, окруженной мрачными, низкорослыми елями.

И пожалел, что сделал это.

Факел, не выдержав удара плотной паутины ветвей, вздрогнул прощальной вспышкой, но умер не сразу – пламя боролось еще несколько долгих секунд, из последних сил освещая то, что находилось на поляне.

Сначала Иван увидел в шагах пятнадцати нечто, напоминавшее приземистую удлиненную клетку – высотой по пояс человеку среднего роста, длиной и шириной шагов в пять, не больше. И эта клетка делилась на две части. Там, внутри, была перегородка, делившая это крохотное строение на две части.

Внутри что-то было. В обеих частях. Иван успел заметить шевеление некой темной массы. Ивану показалось, что он рассмотрел чьи-то глаза за прутьями, и его что-то коснулось, чья-то теплая рука.

Потом клетку что-то заслонило. В угасающем пламени Иван разглядел перед собой на расстоянии вытянутой руки человеческую фигуру. Женщина, вернее, старуха. В плаще – длинном, фиолетового оттенка. На голове у старухи был капюшон, но Иван все же рассмотрел часть ее лица, сморщенного, в пигментных пятнах и бородавках. Кожа ее показалась настолько отталкивающей, что это вызвало тошнотворный спазм. Впрочем, отпрянуть Ивана заставила внезапность ее появления.

Старуха протянула к нему руку ладонью вперед: казалось, она хотела потрогать лоб или прикрыть глаза.

– Нельзя смотреть... – слова сопровождались шипением, будто человек говорил одновременно с шипящей гадюкой. – Нельзя идти...

Сказано было неразборчиво, но смысл Иван уловил.

Факел вздрогнул, погас.

Прежде чем поляну окутала тьма, Иван, пытавшийся уйти в сторону, увидел цепь жутких картинок, сменявшихся с невероятной скоростью: острые крюки, осязаемые, отсвечивавшие в полумраке подземелья. Человеческий живот, разрезаемый чем-то металлическим. Искаженное женское лицо – лицо роженицы. Темное месиво, освещенное проникшей в него сталью ножа. Сгусток мяса и капающая с него кровь. Человеческое глазное яблоко, в которое вонзается острый крюк. Сморщенное лицо ребенка, заходящегося немым криком и скрюченного в тесной водянистой темноте. Оскаленные зубы крысы – громадной отъевшейся твари. Десяток оскаленных крысиных морд, нависших со всех сторон. Зубы, вонзающиеся в самого зрителя. Это стало завершающим аккордом. Иван, сжав голову руками, повалился на землю, закричал. Встал на четвереньки и пополз прочь.

Илья отошел от оврага шагов на тридцать, когда раздался жуткий вопль. Люди как раз останавливались – большинство пятен света замерло на одном месте. Возможно, команду подал Назаров, хотя, наверное, мужчины просто давали

время тем, кто отстал после оврага. Таких оказалось немного, но они были.

Илья проклинал про себя глинистый склон, где он едва не подвернул ногу, но уже в следующую секунду это забылось.

Определить расстояние до кричавшего человека не получилось, Илья угадал лишь направление: где-то слева. Он ринулся туда прежде, чем появилось объяснение этому крику, переполненному болью и ужасом. Илья решил, что нашли мертвого ребенка. Иначе что могло вырвать из человеческой глотки такой вопль? Ему померещилось в крике что-то от голоса Виктора.

Сосед, на месте которого Илья ни за что не хотел бы оказаться, в первые часы поисков держался рядом. Позже, когда люди несколько раз меняли направление, они с Виктором разделились.

Илья бежал, с трудом увертываясь от стволов деревьев, и едва не столкнулся с одним из тех, кто шел в цепи рядом с ним. Это оказался Александрович – степенный, пузатый мужчина, живший с женой на самой окраине поселка, через три дома от Даменковых.

Илья сбавил темп, заметив, что впереди еще несколько человек. Александрович тяжело дышал, Илья оставил его позади. Илье казалось, что кричавший находится левее, ближе к самому оврагу. Он взял левее, хотя двое мужчин с факелами наоборот забирали вправо. Илья хотел нырнуть меж двух низкорослых елей, когда крики по правую руку остановили его. Судя по изменившимся голосам, нашли того, кто вопил.

Илья бросился на шум, оставив в стороне ельник, и увидел, что шагах в тридцати скапливаются пятна света – люди собирались в кучу. Полминуты – и он оказался на месте.

Кто-то ползал на четвереньках, что-то бормотал. Илья не сразу узнал Ивана. Его никак не могли остановить – он увертывался от протянутых рук, вырывался, если кому-то удавалось его схватить. Народ скапливался, и ползавшему Ивану приходилось перемещаться по кругу. Лишь Назаров, в прыжке навалившийся на Ивана, остановил его.

Капитан перевернулся на спину, обхватив и удерживая Ивана. С десяток мужчин подались к этой парочке, напоминая сейчас борцов. Назаров повернулся на бок, по-прежнему не выпуская Ивана, и встряхнул его.

- Да что случилось?! - крикнул он.

И уже людям, склонившимся над ними:

- Расступитесь! В сторону! Вы нас обожжете!

Илья, сам не зная почему, уронил факел на землю, подался к Назарову, державшему Ивана. Света и без того было достаточно, чтобы видеть обезумевшее лицо, а Илье хотелось слышать, что там бормочет Иван.

Назаров снова встряхнул Ивана.

- Что с тобой случилось?! Что ты видел?! - и влепил ему пощечину.

Иван вздрогнул, на секунду замолчал. После чего пробормотал:

- Старуха в плаще сказала, нельзя... Старуха сказала...

Он обхватил голову руками и закачался, всхлипывая и подвывая.

И в наступившей тишине кто-то прошептал:

- Он что, сошел с ума?

5. Галлюцинация. Беспокорство

Был третий час теплой апрельской ночи, Стефан, читавший книгу, боролся со сном. Оставалось совсем немного, считанные страницы, и он хотел дочитать до конца, хотя уже с полчаса постоянно перечитывал фразы - смысл ускользал от уставшего мозга, будто чужеродная пища, которую не принимал желудок.

Завтра намечался свободный денек, первый после недельного аврала, а Стефан давно не брал в руки книгу. Ладно бы он сидел в кухне, как обычно и делал, читая, но сегодня Стефан, раздевшись, улегся в кровати, включил настольную лампу, и это, конечно, сказывалось: сон подхватывал его, как незаметный морской прилив.

В какой-то момент Стефан осознал, что минут пять читает одно и то же предложение, несколько раз провалившись в сон. Это было уже слишком. Сдавшись, он положил книгу на прикроватную тумбочку. Улегся, даже не поправив подушку, потянулся к лампе, чтобы выключить. Да, он еще не чистил зубы, но сейчас у него не осталось сил даже, чтобы встать с кровати.

Его пальцы нащупали черную круглую кнопку, вдавили. Свет погас и... Дальнейшее случилось очень быстро.

Стефан еще не убрал руку, но в темноте, залившей комнату, у дальней стены ему померещился какой-то продолговатый ящик из прутьев, а рядом, возле самой кровати, чья-то фигура – кто-то склонился так низко, что его голова оказалась на расстоянии вытянутой руки от лица частного детектива.

У Стефана вырвался приглушенный стон. Прежде, чем он успел о чем-то подумать, его пальцы рефлекторно вдавили кнопку лампы.

Вспыхнул свет, в комнате никого не было. И все-таки Стефан подорвался с кровати, сжав кулаки, осматриваясь, будто и в самом деле предполагал: кто-то находится здесь кроме него. Сон ушел, но в голове было мутно, и Стефан не сразу успокоился, убедившись, что ему что-то померещилось на грани сна.

Он медленно, тяжело опустился на край кровати, и в этот момент его ждало новое потрясение. Стефан понял, что кроме фигуры ему померещился еще и запах, странный, необычный, но... такой знакомый. Всего секунду запах присутствовал в спальне, однако память на запахи у человека феноменальна. Казалось, нечто развернуло его и ткнуло носом в эпизод давно забытого прошлого.

Этот запах Стефан впервые услышал тринадцать лет назад в хижине североамериканского шамана, устроившего русскому гостю сначала индейскую баню, а после «сидение в дыму». Это было необычайшее событие молодости,

но по какой-то ирреальной причине Стефан не вспоминал о нем давно, словно ничего и не было.

Стефан вдруг уловил смысл тех слов, услышанных две недели назад возле умиравшей кошки на окраине парка. Все это время частный детектив безуспешно пытался понять, что с ним тогда произошло. С каждым днем событие блекло и теперь уже не казалось таким странным – еще немного, и Стефан решил бы, что ему просто померещился чей-то голос.

Правда, теперь, после необъяснимой галлюцинации, возвратившей Стефана в прошлое, он понял, что слова, казавшиеся бессмысленным набором звуков, на самом деле были фразой на языке индейского племени семинолов.

И они значили: «Иди за ней».

Илья шел к центру Озерного, медленно и неуверенно, как будто не знал, куда и зачем идет.

Когда он выходил из дома, Оля тревожно посмотрела на него и спросила:

– Ты куда?

Естественный вопрос жене мужу. Илья вздрогнул, запахиваясь в ветровку, и постарался, чтобы она не видела его глаза. Словно он идет к какой-то фифе, о существовании которой жена не знает.

– Пойду, пройду, – сказал он. – В магазине ничего не надо?

Она пожала плечами.

– Нет вроде бы.

– Ладно, фруктов куплю.

Где-то в доме Данила изображал звук несущегося на скорости автомобиля. В отличие от взрослых дети живут настоящим. Наверное, мальчик помнил, что потерял своего единственного друга, но что он изменит? Не лучше ли

поиграть в машинки одному, если уж нет партнера? От того, что он погорюет по Тимке, тот вряд ли придет к нему в гости.

Прошло две недели после той первой ночи, убитой на поиски пропавшего мальчика, но до сих пор не нашли даже тела. Жители поселка, усиленные кинологами и поисковой группой отдела расследований из Славянска, прочесывали лес сектор за сектором, но спустя еще пять дней стало ясно, что ребенок, скорее всего, мертв. Спустя еще трое суток поиски прекратили.

По словам егеря, в основном лес исследовали, хотя на такой обширной территории заглянуть под каждый куст нереально физически. Те, кто участвовал в поисках, измотались. Кроме того, каждого из них ждала своя жизнь, работа и дом.

Виктор все еще блуждал по лесу до самых сумерек. Сначала Илья порывался его удержать, но, убедившись, что сосед все-таки возвращается домой на ночь, оставил эту затею. Кроме того, Виктора отправили в долгосрочный отпуск, а у Ильи работа не ждала.

В эти дни Оля большую часть времени проводила с Людой. Илью это беспокоило – все-таки жена переживает, столько дней на нервах. Как бы это не сказало на беременности. Не меньше Илью беспокоило и то, что случилось в первую ночь поисков с Иваном – его обезумевшие глаза и особенно его странная реплика, единственная, которую Илья расслышал.

В ту ночь из-за Ивана поиски не прекратили, но количество участников убавилось на четверых. Люди понесли Ивана назад в поселок. Одним из них был доктор Левин, живший в поселке и работавший главой местной амбулатории. Уходя, он предположил, что у Ивана нервный срыв на почве переутомления. После выяснилось, что Ивана госпитализировали в психиатрическую лечебницу на окраине Славянска. Он все еще находился там, и ходили разные слухи.

Многие в поселке знали, что Иван одно время баловался наркотиками, чем-то слабеньким, но достаточным, чтобы втянуться и часто терять работу. Из-за этого и с женой разошелся. Поговаривали, что у Ивана «поехала крыша» именно из-за того, что он наглотался какой-то дряни перед тем, как его вытянули на поиски пропавшего мальчика. Это и в придачу слабое сердце, не выдержавшее ночных блужданий по сырому, мрачному лесу, сделали свое дело.

Илья согласился бы с этим, но он знал то, чего не знали другие. Он вообще сомневался, что кроме него и Назарова кто-то слышал невнятное бормотание о старухе в плаще. Да – он и Назаров. Но и Назаров не знал, что некая странная старуха в плаще, скорее всего, существовала на самом деле, и что ее видели Илья и Люда Короткевич.

И все-таки до последней ночи Илья не думал, что пойдет к капитану и все расскажет. Сегодня все изменилось. Ночью Илье снова почудились хлопки плаща, терзаемого порывами ветра. На этот раз он спал и потому не был уверен, что это не приснилось. Он ничего не слышал, когда встал с кровати и вышел из комнаты. Несмотря на это, он прошел на кухню и выглянул в окно. Даже никого не обнаружив, Илья заставил себя выйти на заднее крыльцо и пройти к калитке.

Земля достаточно подсохла, чтобы обнаружить чьи-то следы, тем более ночью, но острое беспокойство вынудило Илью, проснувшись, потребовать от жены, чтобы сын ни на секунду не оставался во дворе один. Оля отнеслась к этому с пониманием, но, конечно, она не догадывалась об истинной причине требований мужа. Тогда-то, утром, Илья решил, что пора навестить Назарова. Благо, что у капитана было ночное дежурство.

Сейчас, оказавшись в торговом центре поселка, Илья осознал, что поговорить с Назаровым нужно было давно.

В Америку Стефан попал по обмену студентов. Подобный опыт между странами только начинался. Парню было двадцать два, и вся жизнь лежала впереди. Наступил октябрь, но в штате Джорджия середина осени напоминала молодому человеку лето.

К сожалению, мечте Стефана с момента поступления в институт сопутствовали не только положительные эмоции – за несколько дней до отъезда у парня умер отец. Он давно не жил с семьей, но он по-прежнему оставался родным человеком, и для Стефана это был удар. Парень уже подумывал отказаться от поездки в США, но мать настояла: жизнь продолжается, и неразумно рушить свои планы, если это ничего не изменит. Стефан отправился за океан еще с тремя ребятами из своего института.

В Штатах ему понравилось, его жизнь там оказалась насыщена событиями, но, как ни странно, в какой-то момент Стефан почувствовал нечто похожее на депрессию. Эта напасть иногда случалась с ним, особенно поздней осенью или в конце зимы, но сейчас она была особенно некстати. Стефан вдруг захотел оказаться рядом с матерью, поддержать ее, понимая, что ей сейчас, возможно, еще хуже, чем ему. В то же время все бросить и уехать казалось безумством.

По-видимому, его состояние заметил один из американских студентов и предложил Стефану съездить к его прадедушке – настоящему индейскому шаману. Стив был темноволосым, но Стефан никогда бы не подумал, что тот – индеец, внешне он ничем не отличался от американцев, чьи потомки были европейцами. Быть может, в отличие от прадеда он просто не был чистокровным индейцем, Стефан это не уточнял.

По словам Стива, прадед мог помочь: устроить «индейскую» баньку, после которой, говорят, как заново рождаешься – верное средство от депрессии. Пока они со Стивом ехали в его машине по лесистой пустынной местности, американец пытался шутить, чтобы взбодрить Стефана. И в какой-то момент Стефан действительно рассмеялся. Стив объяснял, что прадед понимает язык животных и может даже проникать в их сознание, когда они находятся при смерти. Стефана рассмешило предупреждение Стива, что прадед, увидев такого квелого и неживого парня, решит, что тот умирает, и, возможно, тоже попытается проникнуть в его сознание, а это ощущение не из приятных: будто кто-то вместе с тобой забрался в одни штаны, и более тесного, неудобного контакта не придумаешь.

Все произошло так, как и говорил Стив. Старик, улыбаясь, встретил их, пожал гостю руку. Невысокий, но крепкий, жилистый. С очень морщинистым лицом, редкими седыми волосами... По лицу ему меньше восьмидесяти лет не дашь, но тело как у сорокалетнего мужчины, регулярно совершающего пробежки и заплывы в бассейне. Он что-то приговаривал на своем языке, и Стив переводил на английский: сейчас-сейчас баньку устроим; тебе понравится, вот увидишь; хорошо, что ты сюда приехал; и веселей, веселей – в таком возрасте глупо быть чем-то недовольным.

И когда Стефан с ощущением, что его тело тает, исчезает, по настоянию шамана лупил в барабан, что-то произошло. Не с ним, а со стариком – тот как-то изменился в лице. После «баньки» последовал короткий разговор старика с правнуком, и шаман увел Стефана за дом, к куполообразному строению

из ивовых прутьев метра два высотой, которое скрывалось в зарослях кустарника и напоминало диковинный сарай. Внутри, усадив парня на землю, старик развел в углублении костер и закрыл дверь.

Несмотря на темноту, Стефан кое-что видел. Может, это было последствие бани? Стефан ощущал себя легким, будто стал бабочкой. Старик взял белый камень и стал дробить в небольшой деревянной ступе смесь семян, ягод и чего-то еще. Это самое «что-то еще» в дальнейшем наполнило своим запахом сарай, когда шаман бросил приготовленную смесь в костер. Запах был настолько своеобразным, что Стефан так и не смог решить, нравится ему этот запах или нет. Как не смог решить, что же он напоминает. Сначала парень подумал о сушеных грибах, затем о подгоревшей коже, а после на ум почему-то пришла распаренная перловая каша, но, конечно, впоследствии Стефан отказался от этих первых сравнений, удивляясь, как они вообще пришли на ум.

Спустя почти полтора десятка лет этот запах вернул Стефана в тот солнечный, ни на что непохожий день, казавшийся теперь чем-то ирреальным.

Вернул в день, о котором Стефан не вспоминал с того момента, как приехал из Америки, что само по себе выглядело неправдоподобным.

Кабинет Назарова находился с торца здания, в котором размещались кафе «У озера» и парикмахерская «Инесс». По бокам располагались два небольших одноэтажных здания – почта и булочная. Напротив, через дорогу – мини-маркет.

У входа в кафе стояла кучка мальчишек лет одиннадцати-тринадцати. Из мини-маркета выходили две пожилые женщины. Илья знал их, но скрылся за углом прежде, чем они его заметили, вынудив поздороваться. Хотя это не имело значения, он войдет к капитану никем не замеченный. Прежде чем открыть дверь, он постучался, глядя на озеро, мелькавшее в просветах между крыш, и слышал вялое «Входите».

Назаров сидел в кресле, положив ноги на стол, и читал книгу. Телевизор был выключен, а радио приглушено настолько, что сложно было определить звучащую мелодию. Капитан глянул поверх книги на посетителя, помедлил, очевидно, запоминая место, на котором его прервали, и отложил книгу, сбросив ноги на пол.

Они снова встретились взглядом и поздоровались. Назаров почему-то обращался к Илье на «вы», хотя был почти ровесником. Илью это немного смущало. Например, к тому же Виктору, который был старше Ильи, Назаров обращался на «ты».

Капитан ничего не спрашивал – ждал, справедливо полагая, что Илья сам расскажет все, что надо.

– Я тут проходил мимо, – начал Илья. – Жена продуктов послала купить. Ну, думаю, загляну.

Назаров кивнул. Естественно, он понимал, что тот, кто не является его личным другом, вряд ли зайдет сюда просто так.

– Скажите, капитан, что там про Ивана слышно?

Назаров вздохнул.

– Все по-прежнему. Проблемы с головой. Неадекватная реакция на окружающих. В общем, он не скоро вернется домой.

– Понятно.

Илья помолчал. Назаров его не торопил.

– Тут всякие слухи ходят по Озерному, – продолжил Илья. – Сами понимаете, там, в лесу, всего пару десятков человек было, и все равно никто так и не понял, что с Иваном-то случилось. Как в лечебнице, подтвердили, что говорил Левин? Неужели все это с ним из-за нагрузок? Вы-то сами что думаете?

Назаров развел руками.

– Думаю, что лучше на специалистов полагаться. Да, они там подтвердили, что помешательство произошло из-за совокупности факторов. И усталость, и общее состояние нервной системы, и возможность испуга в лесной темноте, – Назаров покачал головой. – Человек – сложная система. И, по правде говоря, на все сто не определить, что из-за чего происходит.

Они помолчали, не глядя друг на друга.

Илья решил:

– Капитан, вы помните, как Иван, когда вы его держали, сказал что-то вроде «... старуха в плаще сказала...»? Помните?

Назаров глянул на него, сменил позу в кресле, словно затекли ноги. Наконец кивнул. Во взгляде было: «И что?»

Илья, не выдержав, прошелся по небольшому кабинету – от окна к стене и обратно.

– Понимаю, человек помешался, с ним что-то случилось, и... В общем, сам знаю, что в таком случае обращать внимание на его слова... не... неразумно. Но...

Илья замялся, растерявшись, чувствуя, что упускает наиболее удачное развитие разговора, и Назаров подбодрил его:

– Продолжайте. Я слушаю.

– Словом, мне надо рассказать вам, капитан, об одном случае, это произошло еще зимой, но... В общем, слушайте.

Стефан долго сидел на кровати, глядя перед собой. Сна уже не было. Удивительно, как такое вообще может быть: только что умирал от сонливости, и вот никакого желания прилечь на кровать.

«Иди за ней»?

Чтобы это значило? Кто «она» и куда идти? И значит ли это вообще что-нибудь?

Наверное, значило. Только не укладывалось в сознании, что к этому тихому голосу – то ли в голове, то ли прозвучавшему из-за плеча – имел отношение тот давний индеец. Жив ли он вообще сейчас, этот старик? Стефан не мог это узнать – связь со Стивом потеряна много лет назад. Почему же Стефану

померещилась седовласая голова шамана?

В тот день, во время «сидения в дыму», Стефан «поплыл». Ему мерещилось много чего, в том числе, что он парит, а индеец внимательно рассматривает что-то вокруг его тела и особенно вокруг головы, как если бы у Стефана появился некий нимб. Позже, когда Стефан, ничего не помня, оказался на траве возле дома, старик привел его в чувство, внимательно заглядывая ему в глаза, и вложил в руку какую-то вещицу – круглую, вмещающуюся в ладонь. Вещица напоминала кусок кожи или пергамента и была неопределенного цвета – некая смесь коричневого, серого и желтоватого. И еще она показалась Стефану отталкивающей: казалось, от нее исходило нечто неприятное.

На английском с сильным акцентом старик пояснил, что дарит эту вещицу Стефану, и пусть парень всегда носит ее с собой. Стефан с трудом разобрал то, что говорил индеец. Талисман, твердил тот. Никому не отдавай, это – твое. Носи, как люди носят на цепочке драгоценные камни или клык хищника. Стефан, конечно, забрал непонятный подарок, привез домой как сувенир, потому что больше ничего другого дельного, как ни странно, не раздобыл. А, может, не до того ему было.

Когда они со Стивом возвращались в студенческий городок, Стефан спросил приятеля, что это за штука такая, круглый кусок кожи. Стив, покосившись на кругляшок, пожал плечами и вскоре пустился в рассуждения, что его прадед – чистокровный семинол, а это племя – в прошлом единственное, не сдавшееся американским войскам и не подписавшее формального мирного договора с правительством. Правда, старик на самом деле не такой шаман, о которых слагались легенды, а вот дед его прадеда, тот был великим охотником, потратившим большую часть жизни на преследование разных опасных животных. Он часто уходил в глухие леса и не возвращался домой более полугода.

Стефан поднялся с кровати, ему захотелось снова взглянуть на тот кругляшок из Америки. Кусок кожи лежал в одном из старых писем, которые Стефан до сих пор не выбросил и, переезжая на эту квартиру, взял с собой. После недолгих поисков Стефан действительно отыскал кругляшок, который, конечно же, не носил с собой, как советовал шаман, и о котором не вспоминал тринадцать лет.

Вернувшись в спальню, Стефан присел на кровать и пригляделся к вещице в руках. Ничего не изменилось: тот же неопределенный цвет, идеально ровный круг. И вновь то же неприятное ощущение, словно держишь в руках замершее опасное насекомое. А носить такую штуку в кармане...

Стефан вздохнул. К черту все! Ему нужно поспать. Да, весьма неприятно, когда в собственной квартире что-то мерещится, как неприятно слышать странный голос возле умирающей кошки, но в конце концов это не смертельно, а вот сон игнорировать – это для здоровья опасно.

Стефан потушил лампу.

Никаких фигур больше не возникло.

Он лег под одеяло и быстро уснул.

Спустя десять минут в кабинете повисла тишина. Было слышно, как где-то на озере улюлюкает ребятня.

Илья ждал реакции капитана. Назаров молчал. Его взгляд блуждал по полу, словно он искал потерянную вещицу. Илья не выдержал, прервал затянувшуюся паузу:

– Капитан, может, я что-то и напутал, но двоим это не могло померещиться. Люда тоже видела какую-то старуху. Потом пропал ее сын.

Назаров глянул на Илью.

– И что вы предлагаете?

Илью вопрос удивил. Он даже растерялся.

– Не знаю. Я думал, вы сделаете из этого какие-то выводы. Вот и пришел, чтобы...

– Хорошо. Вы видели какую-то старуху. Люда Короткевич тоже видела кого-то. Хорошо. Дальше. Как я понимаю, вы как-то увязываете эту... старуху не только

с пропавшим мальчиком, но и с тем, что случилось с Иваном?

Илья помедлил, неохотно кивнул и на всякий случай пояснил:

– Я не уверен. Я только допускаю, что это... Что есть такая возможность.

Назаров снова уставился в пол, чуть заметно покачал головой.

– Ладно, Илья, вы только не обижайтесь, но мы можем предполагать все, что угодно. Я даже допускаю мысль, что вы в чем-то правы. Или хотя бы идете в верном направлении. Но... Как бы это сказать? Что вы предлагаете предпринять в практическом смысле? Объявить в розыск старую женщину в плаще, похожую на побирушку?

– Ну... не обязательно так. Не лучше ли еще раз пройти тот сектор, в котором с Иваном что-то случилось? Может, найдутся какие-то следы?

– Вы надеетесь, что мы там кого-то найдем? Илья, во-первых, прошло время, и вряд ли человек, находившийся там, будет сидеть на одном месте так долго. Во-вторых, Иван... Я даже не знаю, что сказать. Он ведь был живой. Разве что умом тронулся, но при чем тут старуха? Иван же не ползал тогда с заточкой в спине или какими-то повреждениями на теле.

Илья промолчал, не зная, что сказать.

– Мы достаточно плотно прочесали то место. Да, мальчика жаль. Жаль, что не нашли хотя бы тела. Но... Да, это странно. Я хочу сказать про старуху, которая вряд ли живет в нашем поселке. Только как нам поступить? Или вы считаете, надо предупредить людей в поселке, чтобы они были осторожны и сразу же сообщили мне, что видели кого-то похожего?

Илья пожал плечами. Идея не показалась разумной, и, будто подтверждая его мысли, Назаров добавил:

– Не думаю, что это что-то даст. Только слухов дурацких наплодим.

Они помолчали.

Назаров, поглядывая на Илью, сказал:

– Трагично все получилось. Ребенка не нашли, так еще Иван помешался. Ладно, Илья, я вас понимаю. Есть какие-то странности. Есть, признаю.

Капитан оперся на локти, погрузил лицо в ладони, потер виски.

– Я вот что думаю. Попрошу я егеря еще разок пройти в том месте, где с Иваном что-то случилось. Посмотрим, может что-нибудь новое и обнаружится. Егерь – человек опытный, что касается изучения следов.

– Спасибо, капитан.

– Ну, а вы, Илья, не волнуйтесь. Уверен, несчастье больше не повторится. Главное, следите за своим мальчиком, чтоб без спросу в лес не уходил.

Илья еще раз поблагодарил Назарова, извинился за то, что побеспокоил, и вышел.

Ближе к дому, он обнаружил, что не купил фруктов. Возвращаться не хотелось, но Илья не расстроился. Наоборот, настроение немного поднялось. Почему-то ушло напряжение, необъяснимое беспокойство за семью.

Кажется, он действительно немного переборщил. Есть у него такое свойство – слишком все драматизировать. И в прошлом он не раз убеждался, что торопился с выводами, готовясь к самому худшему. Да, у соседей случилось несчастье, но это лишь вынудит его присматривать за собственным ребенком. В жизни всякое бывает, и в том, что маленький мальчик потерялся в лесу, нет ничего необъяснимого. А Иван... У Ивана и раньше были нелады с психикой.

Илья свернул к дому. Перед крыльцом остановился, глядя в небо, где уже проступали бежевые осколки звезд. Из дома доносился лепет Данилы. Приятный, теплый вечер.

И, конечно, все будет хорошо.

6. Клетка. Старуха в плаще

За прутьями клетки все замерло.

Четыре громадные крысы застыли, растопырив уши, и лишь кончики их носов подрагивали, исследуя воздух.

Крупный самец повернул свою голову вправо, откуда ему слышались тихие шаги. Его черные круглые глаза влажно поблескивали в тусклом свете луны, заглянувшей на поляну, где находилась клетка.

Только что самец и три его подруги все свое внимание и злобу направляли на животное, занимавшее другую половину клетки. Крысы подходили к перегородке, принюхивались, пищали, шипели на животное, темной массой затаившееся в своей тюрьме.

В этом животном было что-то странное. С одной стороны крысы знали его как росомаху – сильного, выносливого зверя, неприхотливого в еде и в условиях обитания. И очень опасного для самих крыс. С другой стороны эта особь там, за прутьями, отличалась от обычной росомахи. Даже в запахе было что-то не то.

Более странным, необъяснимым и пугающим для крыс к этому моменту стало лишь поведение той сущности, которую они сначала приняли за обычного человека – старуху в плаще.

Старуха принесла крыс в мешке из прежних мест обитания. Принесла усыпленными и выпустила в клетку через маленький люк в крыше. Все четыре особи грузно упали на землю, устланную хвоей, и обнаружили, что они – не единственные узники этой непонятной темницы. И еще оказалось, что из клетки не так уж сложно удрать – прутья стояли не слишком часто, и, немного помучавшись, даже самец протиснулся бы между ними.

Крысы не воспользовались этим немедленно только потому, что в теле оставалась заторможенность. И... потому, что сама Старуха, посмотрев на них, развернулась и отошла. Она не пыталась их убить, не пыталась спустить на них росомаху, затаившуюся в другой половине клетки. Более того, от Старухи

не исходила угроза смерти, что крысы чувствовали безошибочно.

И, когда Старуха принесла и бросила через люк в клетку живую беременную белку, стало ясно – сущность, которую они приняли за человека, не причинит им вреда. Наоборот, эта сущность в них нуждается.

В первые дни после того, как они получили бельчатину, крысы предполагали, что в дальнейшем их пищей станет росомаха. Да, они испытывали страх перед ней и, хотя могли пролезть на ее половину, никто на это, конечно, не решился. Но росомаха пищу от Старухи не получала, и было ясно: со временем она ослабнет настолько, что крысы безбоязненно нападут на нее и прикончат.

Однако время шло, сами крысы начали голодать и подумывали, не покинуть ли клетку, пока не поздно, а росомаха, казалось, была полна прежней силой. Иногда она прижималась мордочкой к прутьям и следила за Старухой, стоявшей неподвижно часами.

Затем Старуха куда-то исчезла, и крысы решили, что больше дармового корма им не получить. На всякий случай они в очередной раз подразнили росомаху, свернувшуюся калачиком в дальнем конце клетки, чтобы убедиться: та по-прежнему им не по зубам. Одна из самок уже приноравливалась к тому, чтобы протиснуться между прутьев за пределы клетки, а две другие следили за ней, когда Старуха вернулась. В руках она держала мешок, в котором оказался... человеческий детеныш. Лакомство для крыс в прежней жизни недоступное. Они замерли, не веря, выглядывая из клетки. Росомаха заметалась, закружила по клетке, пытаясь разгрызть прутья, протиснуться сквозь них, разрыть землю, но тщетно – прутья не пропускали ее тело и не давались ее зубам, внизу же был сплошной настил – врытый в землю пол клетки. Росомаха скулила, как собачонка, у которой забрали щенков. Жалкий пронзительный звук был едва ли не единственным на поляне.

Ребенок был без сознания, но живой. Старуха держала его за ворот курточки, как щенка за шкурку. Держала на вытянутой руке. И медленно приближалась к клетке.

Запах человечины наполнил внутренности крыс сладкой, почти болезненной истомой. Росомаха заметалась еще неистовей, и на миг показалось, что внутренняя перегородка не выдержит ее напора, но для трех

изголодавшихся самок это прошло незамеченным. Только самец, покосившись на росомаху, обнаружил кое-что непонятное.

От росомахи исходило свечение. Свечение чем-то напоминало прозрачный красноватый дым. Это дым поднимался вверх, проходя сквозь крышу клетки, и Старуха, державшая ребенка, втягивала этот дым ноздрями.

Вскоре и самец перестал видеть это – Старуха нагнулась, чтобы открыть люк.

Кехха вошла в ельник и заметила очертания клетки.

Она не видела деталей сквозь прутья, но слух у нее стал достаточно острым, чтобы определить, что там происходит.

Как обычно, крысы, изголодавшись, проявляли повышенный интерес к животному в другой половине клетки. Глупые твари! Они хоть и обладали очень высоким интеллектом, близким к человеческому, по-прежнему не понимали, что видят не просто росомаху. Не понимали, что эта особь – Особенное Животное. И похожую они никогда больше не встретят в своей никчемной жизни. Другую такую увидят лишь их далекие потомки, если только род не прервется.

Как обычно, первым приближение Кехха обнаружил самец – самый трусливый и осторожный из четверки. Кехха слышала, как он приткнулся к прутьям, втягивая воздух. Через пару шагов Кехха услышала, как зашевелились самки – три крысы тоже подались к той стороне клетки, к которой она приближалась. Наверняка они пытаются унюхать, несет ли, кроме запаха самой Кехха, человечины.

Наверняка Кехха углядит в их маслянистых глазках разочарование, когда окажется, что руки ее пусты. Зато Росомаха, неуловимо шевельнувшаяся лишь сейчас, чуть расслабится, убедившись, что время очередной человеческой жертвы еще не пришло.

Кехха остановилась неподалеку от клетки и вслушалась в лес.

Где-то, между этой поляной и окраиной поселка, послышался сухой щелчок – человек, идущий в этом направлении, наступил на ветку. Дальнейшие его шаги

теперь едва угадывались, но очень скоро Кехха услышит его, не напрягаясь – медленно, но неумолимо человек сокращал расстояние.

Следующие полчаса Кехха не шевелилась, застыв с закрытыми глазами. Звук шагов человека, медленно, с остановками приближавшегося к поляне, становился все явственней.

Крысы тоже замерли, недоверчиво и боязливо глядя на странную человекоподобную сущность, которая принесла их сюда, откуда при желании можно сбежать, и почему-то их кормила. Они по-прежнему больше всего опасались Кехха, когда та находилась в таком состоянии – превращалась в изваяние. Для них это оставалось необъяснимым, а у живых существ необъяснимое всегда вызывает страх. На всякий случай крысы не двигались, справедливо полагая, что их неправильное поведение вызовет гнев Кехха.

Замерла и Росомаха, поглядывая на Кехха из своей половины.

Когда человек оказался не дальше, чем в сотне шагов от поляны, Кехха шевельнулась, и в движении ее беззубого рта крысам почудилась плотоядная улыбка.

Егерь продвигался медленно, несмотря на то, что при желании отыскал бы нужный сектор леса очень быстро. Он давно изучил эту чащу, что протянулась от Озерного к Славянску, и место, где две недели назад с одним из местных случилось нечто странное, не представляло для него тайны.

И все же он не спешил.

Его что-то смущало. Что? Интуиция?

Он не знал. Он шел вглубь леса, пытаясь понять, откуда взялось это тревожное чувство. То, что он сейчас делал, несмотря на просьбу капитана Назарова, было неофициальным, и егерь не взял помощников. И теперь жалел об этом.

Когда ему позвонил Назаров и предложил встретиться, егерь признал, что и сам думал об этом. В чем-то его не устраивал случай с Иваном. Казалось, егерь что-то не доделал в прошлый раз.

Тогда все его помыслы были о прочесывании леса, о потерявшемся ребенке, и лишь, когда прошло время, и вероятность найти мальчика живым стала нулевой, мысленно егерь вернулся к той первой ночи поисков. К тому моменту он уже знал официальное заключение лечебницы в отношении несчастного. И все же это его не удовлетворило. Егерю по-прежнему казалось, что какие-то детали остались вне поля зрения тех людей, кто участвовал в поисках.

Капитан Назаров тоже оказался недоволен поисками пропавшего мальчика и поинтересовался, нельзя еще раз изучить то место, где помешался Иван, Егерь ответил утвердительно. Кажется, Назаров хотел сказать что-то еще. Хотел, но так и не сказал. Как истинный работник правоохранительных органов Назаров посчитал, что лучше промолчать, нежели приводить ни чем не подтвержденные версии.

Сейчас егерь подумал, что капитан был не совсем прав.

По мере приближения к оврагу егерь все придирчивей осматривал землю и деревья. Он по-прежнему не знал, что ищет, какого рода следы, но это лишь усиливало напряжение.

Вот и овраг.

Егерь решил перейти овраг в полусотне шагах от того места, где предположительно его переходил Иван. Если на Ивана повлияло что-то извне, это случилось либо в самом овраге, либо сразу после него. И лучше держаться оврага как той ниточки, которая куда-нибудь выведет.

Оказавшись на другой стороне, егерь постоял, прислушиваясь к лесу.

Что-то неуловимо изменилось в лесу по сравнению с прошлым годом. Сложно было сказать что. Нет, лес не стал выглядеть умирающим. И живность, и растительность продолжали свой жизненный бег.

Вот и птицы поют, а это верный признак, что все более-менее в норме. Но...

Что-то все равно не так. Даже в пении этих птиц. Словно они... не так свободно сообщают миру, что заняты поиском партнеров? Возможно. Было что-то

неуверенное, приглушенное в этих трелях. Или так всего лишь казалось самому егерю?

Покачав головой, он двинулся вдоль оврага. Спустя пару минут на пути возник густой ельник. Иван наверняка прошел здесь перед тем, как его обнаружили ползающим на четвереньках. Егерь сдвинулся в сторону от оврага, отыскивая пространство между деревьями. Решив не удаляться от оврага, он протиснулся меж густых мрачных ветвей.

На мгновение у него возникло ощущение, что его не пускает ветка, которую он не заметил, свисавшая на уровне пояса. Но это тут же прошло, когда он опустил глаза. Секунда – и он вышел на свободное пространство.

И замер.

В глаза бросилось сооружение, напоминавшее клетку. И за ее прутьями что-то шевельнулось.

Желая рассмотреть, что внутри, егерь не огляделся, хотя и почувствовал на себе чей-то взгляд. Когда он шагнул к клетке и, казалось, вот-вот поймет, что видят его глаза, какой-то звук заставил его оглянуться.

Егерь вздрогнул.

В десяти шагах стоял человек в плаще. Невысокая старуха с омерзительной, отталкивающей кожей лица. Порывы ветра трепали полы ее плаща, но егерь даже не осознал, что ветра на поляне и вообще в лесу нет. Его охватил страх. И от неожиданности, и от вида старухи, и от исходившей от нее явственной угрозы, и от понимания, что она как-то связана с тем, что случилось с Иваном, и, возможно, даже с пропавшим мальчиком.

Егерь вскинул ружье.

– Что вы здесь делаете?

Старуха не ответила. Она по-прежнему стояла, не шевелясь, чуть опустив голову, и капюшон не позволял видеть ее лицо.

На всякий случай егерь взвел курки, и в этот момент ему почудились сзади тихие шаги. Он быстро оглянулся, но никого не обнаружил. Однако шаги стали отчетливей – кто-то подходил к нему.

– Стой, где стоишь! – приказал егерь.

Старуха на это никак не отреагировала, но шаги приблизились вплотную.

Егерь встал к старухе боком, никого не заметил, а когда повернулся назад, старухи уже не было. Он тихо ахнул, оглядывая поляну, и в этот момент что-то проткнуло ему шею.

Изо рта у него хлынула кровь, в глазах потемнело.

Кехха вытянула свои пальцы из шеи егеря, и его тело распласталось на земле.

Крысы, увидев, что двуногий неподвижен, заметались в клетке, поглощая воздух короткими жадными порциями. Они запрыгивали друг другу на спины, царапали когтями прутья, пищали. Они справедливо полагали, что им тоже достанется от общего пирога. Потом, заметив, что Кехха не двигается, они замерли, опасаясь, что своим поведением лишат себя пищи.

Некоторое время Кехха стояла, рассматривая тело егеря. Нет, она не убеждалась, что он мертв, она знала это с того момента, как ее пальцы проткнули шею человека. Кехха размышляла, как практичней распорядиться этим подарком обстоятельств.

Еще два часа назад она не думала, что кто-то из людей сам придет сюда, прямо к ней в логово. Она планировала, что уже сегодня ей придется найти второго ребенка, так как силы начинали блекнуть.

Она рисковала, что крысы, вовремя не получив пищи, начнут пожирать друг друга. Эти глупые прожорливые твари могли и уйти, но, скорее всего, чтобы не покидать такого необычного места, они для начала прикончили бы самую слабую самку.

Восстановить прежнее равновесие-антагонизм «Крысы – Росомаха» будет не просто. И осуществимо, если только заменить этих тварей и начать все сначала.

Между тем Кехха рисковала перейти ту грань, когда в поселке поднимется настоящая паника, но селение еще не будет зависимо от нее. Кехха рисковала, пока не возведет здесь, на этой поляне, своеобразный макет селения.

С паучками вместо людей.

С паучками, спавшими одним большим клубком, который Кехха держала в мешке из плотной ткани, зарытом в овраге.

Пришло время выпустить их на волю.

Прошло три дня.

Сытые крысы, развалившись, дремали. Изредка они открывали глаза, чтобы лениво посмотреть на застывшую Кехха. Та стояла так долго, очень долго.

Сначала крысы проявляли любопытство, высовывали свои носы из клетки, следя за странными манипуляциями Кехха. Она вырыла в земле углубление шириной в два человеческих шага и что-то положила туда. Из клетки ничего не было видно. Потом интерес у крыс пропал, и они предались приятной и продолжительной дреме.

Росомаха все это время лежала, свернувшись калачиком, и лишь по медленно вздымавшейся шерсти можно было понять, что Она дышит и жива.

Положив клубок из паутины, мха и ветвей на дно углубления, Кехха принялась ждать. Когда солнечные лучи коснулись клубка, внутри послышалось движение. Тысячи лапок зашелестели, переноса тщедушные уродливые тельца по лабиринтам жилища.

Кехха ждала.

Наконец из клубка показался один паучок. Затем второй, третий. Четвертый.

Они недавно проснулись и еще не покидали клубок. Они суетливо бегали снаружи, не решаясь спуститься на землю. Их становилось больше и больше, и некоторые стали покидать клубок. Отбегать на небольшое расстояние.

Кехха ждала.

Со временем отдельные паучки стали выбираться из углубления, без труда одолевая его склоны. Но в любом случае паучки возвращались домой, как только наступали сумерки.

Кехха по-прежнему ждала.

Паучки обживались на новом месте, привыкали к своим каждодневным маршрутам, которые рано или поздно заканчивались возвращением домой. Одни уходили далеко, другие не очень, третьи вообще не покидали углубления, где находилось их пристанище, но так или иначе все они приходили обратно.

Однажды перед рассветом, пока вся живность на поляне дремала, кроме Росомахи, настороженно следившей сквозь прутья клетки, Кехха прочертила большим пальцем борозду на земле. В форме окружности, охватывавшей углубление.

Выждав какое-то время, Кехха снова наклонилась и провела еще одну окружность, на этот раз шире в диаметре. Окружность охватывала и углубление, и первую окружность. Между линиями появился зазор шириной в два человеческих шага. Чуть позже, когда Кехха почувствует, что солнце вот-вот появится на горизонте, она проведет еще одну окружность. Самую широкую.

Кехха выпрямилась, глядя на свои художества, и Росомахе, следившей за ней, показалось, что та удовлетворенно улыбнулась.

Теперь обеим – и Кехха, и Росомахе – оставалось ждать, когда взойдет солнце и паучки начнут покидать свое пристанище. Многое решится и станет ясным, когда первый паучок достигнет ближайшей борозды.

7. Тоска. Истерика

Аркадий, сорокачетырехлетний предприниматель, отъезжал от своего дома в центральной части Озерного в приподнятом настроении.

Почему нет? Тепло, солнечно. Жена с детьми уезжает до вечера воскресения к матери, и ему даже не придется объяснять, почему он поздно вернется домой. По большому счету, сегодня он вообще может не возвращаться, хоть всю ночь проведя со своей любовницей.

Девчонке всего двадцать, энергия из нее прет так, что это передается окружающим. В последние дни Аркадий ощущал себя таким студентом, чей пик сексуальности достигал апогея и все сильнее мешал выполнению лабораторных работ. Жаль только, что ему приходилось довольствоваться коротенькими свиданиями и все делать наспех.

Привести к себе любовницу Аркадий не мог, сама она жила с родителями. Не будь у Аркадия свободных часа-двух днем, пока девушка находилась дома одна, пришлось бы снимать квартиру.

Представив лицо любовницы, Аркадий улыбнулся. Последние дома поселка остались позади. Всего пару часов потерпеть, и он с ней встретится. Проверить торговые точки, переговорить с бухгалтером и продавцами, и – он свободен.

Они зайдут в какое-нибудь заведение с хорошей кухней, желательно оживленное, чтобы не очень бросаться в глаза. После чего... как только стемнеет, они даже могут поехать к Аркадию. Назад он отвезет ее ночью. Или под утро, пока все в поселке еще будут спать. И никто, ни один любопытный сосед, ничего не увидит.

С любовницы мысли перескочили на жену. Аркадий представил ее лицо, чуть нахмуренное, как будто женщина вспоминала что-то важное. Этот образ наполнил душу тоской.

Аркадий даже хмыкнул, настолько это было неожиданно.

Тоска усилилась. Замелькали образы еще молодой жены. Ее влюбленный взгляд, ее слезы, ее улыбка. Подумалось о детях. Сыну сейчас семнадцать, он уже выше отца, но выглядит таким беспомощным и неуверенным. Дочери – двенадцать. Аркадий почти не уделяет им внимания. Внезапно захотелось обнять их, поцеловать. Это вдруг показалось вопросом жизни и смерти. Как будто, если он не сделает это в ближайшие пятнадцать минут, он их больше никогда не увидит.

- Что за фигня? – Аркадий сбавил скорость.

Он не собирался разворачиваться. Что он, идиот, из-за каких-то сентиментальных переживаний возвратиться домой, когда его ждет работа и... молоденькая девица с упругой попой?

Через двести метров тоска стала нестерпимой, появился страх, и Аркадий, выругавшись, остановил машину. Приоткрыл дверцу, сплюнул на асфальт. Прислушался к урчанию мотора, огляделся.

Внутри все плавилось от тоски, и он не выдержал – развернул машину и поехал назад в поселок.

У своего дома Аркадий притормозил, посмотрел на окна.

Шторы раздвинуты – жена уже встала. Возможно, помогает собраться детям, готовит завтрак.

Аркадий сидел, барабанил пальцами по рулю, и спрашивал себя, что с ним такое случилось? Какого черта он вернулся назад, поддавшись сентиментальному порыву?

Ответа не было.

Аркадий покачал головой, развернул машину, надеясь, что его неожиданное возвращение домашние не заметили. Он снова поехал к шоссе, хмурясь, покусывая губы. Он постарался не думать ни о жене с детьми, ни о любовнице, ни о работе. Просто ехал, глядя перед собой.

В какой-то момент, ощутив безысходность, тоску и необъяснимый стыд, как будто он стянул последние деньги у бродячей монашки, Аркадий непроизвольно вдавил акселератор – он не хотел мириться с этими ощущениями и снова возвращаться домой.

И тогда его обдало страхом – словно волна ударила в грудь, вынудив остановить машину. Он тяжело задышал, утирая рукой пот с лица, затравленно огляделся. Появилась мысль, что он заболел. Странная, конечно, болезнь, но кто сейчас разберет, что там из-за нервов случается. Во всяком случае, в таком состоянии никуда ехать нельзя.

Очередной разворот, и – Аркадий снова вернулся к дому. На этот раз он не сидел в машине, пытаясь разобраться в собственных ощущениях. Оставив машину у тротуара, он поспешил в дом.

Жена удивилась.

– Что-то случилось? Забыл что?

Аркадий заглянул в кухню, где завтракала дочь. Страх ушел. Стало спокойней. Жена смотрела на него с тревогой. Неудивительно – вряд ли он справился со своей мимикой.

– Нет, не забыл. Просто вернулся. Послушай, давай ты сегодня с детьми никуда не поедешь. Останемся все вместе дома, а?

Несколько секунд она смотрела на него, потом кивнула.

– Хорошо. Останемся.

– Спасибо.

– А что с работой?

Он махнул рукой.

– Я позвоню – предупрежу, что меня сегодня не будет. Сами разберутся.

Он прошел в спальню, прикрыл за собой дверь. Прежде, чем позвонить, какое-то время стоял с закрытыми глазами, массируя лоб. Было такое ощущение, что он всего лишь отложил решение проблемы, которую не в силах решить.

Как и вчера, в субботу, сегодняшнее утро было солнечным.

Валера и Люба, поглядывая на дочь, забралась на переднее сидение. Малышка грызла попкорн.

- Вкусно? - спросила мать.

Девочка кивнула.

- Ага.

- Умница.

Валерий завел двигатель, машина тронулась.

- Пап, а куда мы едем?

- В лес. Выберем место посимпатичней, разложим вкуснятину, что мама приготовила. Отдохнем как следует. Ты ведь хочешь в лес? На полянку?

- Хочу.

- Ну, вот. Скоро приедем.

Люба отыскала молодежный канал, сделала громче. Композицию Шакиры сменила Кайли Миноуг.

Они выехали на шоссе, покинув Озерный. Люба покачивала ногой в такт мелодии, Валера улыбался. Изредка он поглядывал в зеркальце: как там дочка на заднем сидении? Девочка сосредоточенно жевала лакомство.

Валеру неожиданно захлестнуло щемящее чувство – любовь к дочери стала огромной, настолько огромной, что появился риск, что это чувство разорвет его. Он даже заволновался: что это на него нашло? За рулем ведь, в конце концов.

В этот момент он сообразил, что жена уже выключила магнитолу и сидит с таким лицом, словно ей плохо.

– Люба? Что такое?

Люба не успела ответить – заплакала дочь.

Они вдвоем обернулись, посыпались испуганные восклицания, Валера остановил машину. Вслед за женой он выскочил из машины, распахнул заднюю дверцу, подался к девочке, зашедшейся в истерике.

Успокоили они ее не сразу. Ничего внятного от нее не добились, только убедились, что она не поперхнулась попкорном, не поранилась, не укусила себя за язык. Дочка всхлипывала, прижимаясь к матери, и, когда Валера успокоил ее настолько, чтобы можно было говорить, он предложил:

– Ну, что? Теперь поедem искать полянку?

Дочка замотала головой.

– Я домой хочу. К маме.

Это вызвало у Валеры растерянную улыбку.

– Вот же мама. Она с нами.

– Я с тобой, моя хорошая.

– Я хочу домой, – повторила девочка.

Валера и Люба переглянулись. С Любой тоже было что-то не то. В чем же дело? Все было нормально считанные минуты назад.

– Поехали домой, Валера, – сказала жена.

Он помолчал, наблюдая, как дочка снова заплакала, и пришел к выводу, что поездка в лес отменяется.

– Я хочу домой, – повторяла девочка сквозь всхлипывания. – К маме.

– Все, едем домой. Едем.

В понедельник утром из поселка пытались выехать несколько сотен автомобилей. Ни один из них так и не достиг трассы на Славянск – все возвратились к своим домам.

Большинство водителей совершили повторную попытку, но безуспешно.

Дети впадали в истерику, заходились плачем, у взрослых возникал страх, как у человека, отплывшего от спасительной шлюпки в бурное ночное море. У некоторых женщин начиналось обильное кровотечение, если даже не было критических дней. Люди испытывали необъяснимую тоску, стыд, желание вернуться домой, запереться и никуда не выходить. Хотя бы сегодня не выходить.

Кое-кто попытался выехать из Озерного в третий раз. И лишь несколько человек решились на четвертую попытку. Все так или иначе возвратились домой.

К середине дня столь же безуспешно попытались уехать еще около сотни машин.

Жиденький поток одиноких машин не прекращался до самого вечера.

Но ни один человек поселка не покинул. Люди возвращались домой, запирались в комнатах. Пытались решить свои проблемы с помощью телефонных звонков. Неважно, по поводу работы, личных проблем, учебы, покупок или других дел, все они позволили себе бороться с этим лишь на расстоянии, используя достижения научного прогресса.

Кто-то принимал успокоительное, кто-то алкоголь. Кто-то валился на кровать и засыпал. Кто-то садился в кресло, тупо уставившись в телевизор, кто-то бессмысленно листал журнал, подвернувшийся под руку, кто-то включал музыку, но почти не слушал ее. Кто-то звонил друзьям, родственникам, знакомым, кому угодно, лишь бы поговорить неважно о чем, отвлечься. Кто-то ругался со своими домашними. Кто-то, наоборот, пытался обсудить то, что сегодня случилось. Те, кто выяснял причину происходящего, разговаривали неуверенно, запинаясь, следя за реакцией собеседника. Казалось, они обсуждали нечто постыдное. И все-таки никто из них не приблизился к сколько-нибудь удовлетворительному объяснению.

На следующий день, во вторник, жители Озерного повторили вчерашние действия с точностью зеркального отражения. Те же тщетные попытки выехать на трассу, то же позорное возвращение ни с чем. И снова – звонки, снова бесцельное блуждание по дому, выглядывание в окна и очередные звонки.

В среду машин поубавилось.

В четверг стало еще меньше. Людям хватило всего несколько дней, чтобы убедиться в тщетности своих попыток. Другое дело – почему это происходило. Но для большинства проблемы лежали в иной плоскости – в практической, и надрываться, выясняя суть, никто не стремился. Все усилия пошли на то, чтобы не потерять работу – используя знакомства, люди уходили на больничный, брали отпуск за свой счет, по семейным обстоятельствам. Конечно, некоторым это не удалось, не все это вообще себе позволили, и потому их увольняли, но таких было меньшинство. Никто не задумывался, что делать, если эти меры исчерпают себя, но ничего не изменится. Никто так далеко не заглядывал. Казалось, достаточно просто пережить пару-тройку дней, и все придет в норму.

Закрывшись в своих домах и понимая, что нечто похожее произошло с соседями, никто не навестил их, чтобы обсудить происходящее сообща. Слишком странными казались собственные ощущения, слишком отчетливым страх, вынуждавший повернуть назад. И еще к страху примешивался необъяснимый стыд – самое надежное лекарство против откровенности.

Пожалуй, были еще две причины, вынуждавшие людей закрыться в собственной скорлупе, не рискуя выяснить суть или хотя бы позвонить в соответствующие инстанции.

Во-первых, в Озерный по-прежнему приезжали те, кто здесь работал, живя в других местах, кто поставлял продукты либо предлагал различные услуги населению, и те, кто навещал родственников или друзей. И эти люди, сделав все, что надо, уезжали из поселка без проблем.

Во-вторых, что-то происходило. Что-то, имевшее определенную цель. И определенного исполнителя. Очень многие, выглядывая из окон по вечерам, видели странную старуху в фиолетовом плаще, медленно проходящую мимо их дома.

8. Отчужденность. Кошмар

Илья вел машину медленно, готовый в любой момент притормозить.

Ужасно не хотелось вновь испытывать то, что случилось с ним в воскресенье, потом дважды в понедельник. Одно дело – почувствовать прежние симптомы, развернуться и уехать назад. И совсем иное – очередная встряска нервной системы.

Илья был уверен: встряхнись он так еще с десятков раз, и что-нибудь малоприятное, например, полное и резкое облысение, язва желудка или сердечный сбой, обеспечено. Или того хуже – обнаружится рак какого-нибудь органа. Илья не знал, откуда у него такая уверенность. Наверное, интуитивная догадка, если исходить из того, какой силы стресс он испытал, когда выезжал из поселка.

Между тем он знал, что это случилось со всеми жителями поселка. В понедельник утром, после первой в этот день неудачной попытки, Илья не сразу вернулся домой. Он остановился в торговом центре и некоторое время приходил в себя. Понимая, что напугает Олю, что надо прийти домой в нормальном состоянии, он выдерживал паузу. Тем самым он получил возможность наблюдать многих жителей, кто возвращался домой, хотя минут десять до этого на высокой скорости, мчался к шоссе. Лица некоторых Илья рассмотрел. И понял: они испытали то же самое, что и он. Или что-то очень похожее.

Не будь это фактом, это показалось бы абсурдом или просто глупостью – то, что никто не может выехать из поселка только из-за собственных ощущений, переживаний, из-за каких-то личных страхов. Но фактов оказалось более чем достаточно.

Хорошо еще, что Илья с Олей отлично понимали друг друга, и у них не было никаких недоговоренностей, личных секретов. Илья не сразу, но все же рассказал, что происходит в поселке, и что случилось с ним самим. Отдельные моменты он скрасил, но суть передал. И жена поступила так, как он и хотел. Она не запаниковала, не стала докапываться до сути. Наоборот – она его успокоила, сказала, чтобы он выбросил это из головы, что все образуется само собой.

Он получил передышку. Страх за здоровье жены отступил.

Впрочем, это не избавило Илью от страха за здоровье жены в ближайшем будущем. Понедельник закончился, но никто из жителей поселка так и не покинул его.

И во вторник, рано утром, как только рассвело, Илья решил снова рискнуть. Почему-то он надеялся, что сегодня все изменится. Изменится, и воскресенье с понедельником покажутся кошмарным сном. Какое-то время люди пошепчутся о том, что случилось в эти дни, но постепенно тот необъяснимый страх сотрется из памяти, и жизнь станет прежней. В конце концов, человеку свойственно забывать самые неприятные моменты собственной жизни. Те же женщины, кто сразу после родов клянется больше не рожать, спустя время смотрят на это спокойно. Некий механизм в голове выправляет ситуацию, и мы снова видим все в розовом свете.

Надежда иссякла внезапно, как только Илья почувствовал страх – резкий невидимый удар, заставивший его затормозить. Пока он давал задний ход, перед глазами мелькнуло искаженное болью лицо жены. Лицо женщины, захваченной врасплох родовыми схватками. Женщины, которая находится далеко от людей, одна и беспомощна. Женщины, муж которой куда-то не вовремя отлучился и теперь рискует не увидеть живой не только ее, но и ребенка.

Машину занесло, она съехала на обочину. Илья едва успел притормозить – еще немного и он бы врезался в дерево. Остановив машину, он открыл дверцу, высунулся из салона, ртом хватая воздух. Его трясло, страх за жену лишь ослаб, не ушел окончательно. Илье понадобилась пауза – в таком состоянии он не доедет до дома.

Илья вытер лоб от пота, огляделся. Его по-прежнему тянуло домой, толкало туда, хотелось поскорее вернуться и убедиться, что с Олей все в порядке. Он не мог с этим бороться. Не мог, даже понимая, что ему необходимо покинуть поселок, что страх за жену не имеет под собой основы и вызван не реальной угрозой, а неизвестной пока причиной, перед которой оказались бессильны все местные жители.

Не выдержав, Илья выехал на дорогу, повернул назад. Когда показались первые дома, дискомфорт ослаб. К счастью, поселок был пустынным, Илья решил остановиться в торговом центре. Заглушив мотор, он тяжело вздохнул.

Нужно было что-то делать.

Мимо проехал зеленый «Опель».

Илья проводил его недоверчивым взглядом. Водителя он знал в лицо, но имени не помнил. Тот даже не посмотрел в сторону Ильи. Ехал, сосредоточенно, хмуро глядя перед собой. Илья смотрел ему вслед, пока автомобиль не исчез из виду. Илья закрыл глаза, опустил голову.

Поехать следом, держась на расстоянии?

Он покачал головой. Возникло чувство, что это равносильно тому, чтобы подсматривать за человеком в его же дворе. Илья подождет и здесь. Через двадцать, в крайнем случае тридцать минут станет ясно, покинет ли зеленый «Опель» поселок или нет.

Илья глянул на дальнее окно в здании – кабинет Назарова.

Зайти?

Это напрашивалось еще вчера, а если точнее – вообще позавчера, в воскресенье. Назаров обещал, что сообщит Илье о результатах вылазки егеря в лес. Прошло время, капитан даже не позвонил. Дополнительный повод, чтобы навеститься к нему. Если же его нет, Илья узнает у дежурного помощника, когда капитан появится. В любом случае Илья дождетя его.

Илья открыл дверцу, поставил ногу на асфальт, когда решил, что сначала дождетя зеленого «Опеля». Или убедится, что автомобиль не вернется.

Прошло минут десять. Со двора дома в ста метрах от торгового центра выехала белая «Ауди». С такого расстояния Илья водителя не рассмотрел. Кому принадлежит этот добротный двухэтажный коттедж, он не знал. Все-таки четыре года, что они с Олей живут в Озерном, не такой существенный срок.

Поглядывая на окно кабинета Назарова, Илья ждал. На часы он больше не смотрел, без этого понимая, что зеленый «Опель» уже должен возвращаться назад. Если, конечно, с водителем случилось то же, что с Ильей и другими жителями.

Минуло не менее четверти часа. Илья подумал, не поехать ли к выезду из поселка, когда с той стороны что-то мелькнуло. Так и есть. Белая «Ауди». Она возвращалась, превышая скорость, установленную для такого населенного пункта. Зеленого «Опеля» по-прежнему не было. Неужели кто-то выехал на трассу?

«Ауди» затормозила возле дома, откуда отъехала менее десяти минут назад. Взвизгнули шины, машину развернуло. Это выглядело абсурдно – резкое торможение в тишине еще не проснувшегося селения. Как будто некий подросток перестарался, не заметив, что зрители отсутствуют и никто не видит его дерзости. С минуту машина стояла в том же положении, словно водитель заснул или о чем-то задумался. Монотонно урчал двигатель. Затем «Ауди» медленно подкатила к дому, урчание смолкло.

Илья выскочил из машины, поспешил к водителю «Ауди». Тот медленно, будто сомневался, стоит ли это делать, приоткрыл дверцу, выбрался из машины. Посмотрел в салон, приподнял руку с дистанционным управлением – дверцы автомобиля закрылись. Услышав шаги, он обернулся. Высокий, зрелого возраста мужчина с залысинами.

Илья приподнял руку:

- Доброе утро.

Мужчина помедлил, коротко кивнул и... быстро прошел к калитке. Он, конечно, понял, что Илья хочет поговорить с ним, но, несмотря на это, пытался уйти.

- Подождите! Я спросить хочу.

Водитель «Ауди» нехотя обернулся, но калитку приоткрыл. Лицо было странным – бледное, встревоженное и... злое. Похоже, злость вызвало не только вынужденное возвращение, но и появление Ильи. Мужчина не хотел никаких разговоров.

Еще не приблизившись, Илья спросил:

- Вы случайно не видели зеленую машину на выезде из поселка? Зеленый «Опель»?

Мужчина покачал головой.

- Нет, - он шагнул во двор.

Илья растерялся, не зная, как еще задержать человека и хоть что-то из него вытянуть.

- Пожалуйста, мне надо поговорить.

- Я спешу.

- Вы собирались уехать из Озерного, но... И вот вернулись, да?

Мужчина промолчал, глядя на Илью, колеблясь, захлопнуть ли калитку.

- Почему вы не уехали?

– Я очень спешу, – пробормотал мужчина.

Илья стоял, глядя в закрытую калитку. Водитель «Ауди» прошел в дом, его шаги замерли. Илья огляделся. Центральная улица пустынна, но скоро оживет. Илье не хотелось видеть, как большинство машин возвращается назад. Он не был уверен, что вновь подойдет к кому-нибудь и спросит, почему человек не уехал.

Илья вернулся к своей машине, завел ее, направил к выезду из поселка. Он хотел убедиться, что зеленая машина покинула Озерный, а не стоит посреди дороги или на обочине.

Сейчас это показалось особенно важным: кто-то все-таки уезжает из поселка.

Вот и знакомая ель – она росла ближе других деревьев к полотну дороги. Илья запомнил ее, как знак – именно на этом участке его окатил страх. Дальше он ехать не рискнул. Остановил машину, не заглушая двигатель, покосился на ель, словно это из-за нее происходило необъяснимое. Всмотрелся в дорогу. Она просматривалась метров на двести, не больше, но зеленой машины не было.

«Опель» уехал?

Илья покачал головой. Как ни странно, это лишь добавило необъяснимости в происходящее. Так и не решившись проехать вперед хотя бы метров на пятьдесят, Илья развернулся и возвратился в торговый центр. На этот раз он подъехал к кабинету Назарова. Не колеблясь, прошел к двери, постучал. За дверью послышался сонный голос. Илья слов не разобрал, но, скорее всего, ему предлагали войти. Илья вошел.

Как он и предполагал, Назарова еще не было. Вместо него дежурил молодой, не больше двадцати четырех, сержант. Сонная физиономия, растрепанные светлые волосы. Они поздоровались, сержант поспешно пристегнул кобуру с табельным оружием.

– Капитан скоро будет? – спросил Илья.

Сержант ответил не сразу. Он помялся, как будто его спрашивали о чем-то личном, чтобы вот так запросто все рассказать.

- Его сегодня... Я точно не знаю, но капитана сегодня, наверное, не будет.

- У него выходной? Дежурил в воскресенье?

- Нет, в воскресенье дежурил я. И сегодня ночью тоже. Капитан взял пару дней в счет будущего отпуска.

Похоже, лицо у Ильи стало растерянным, потому что сержант пояснил:

- По семейным обстоятельствам.

- Понятно... Позвонить ему можно?

Сержант пожал плечами.

- Он сотовый отключил, чтобы его не отвлекали.

- Черт.

- Я могу чем-нибудь помочь? – кажется, сержант окончательно проснулся.

Илья посмотрел на сержанта. Что он мог ему сказать? Описать свои ощущения и сказать, что так не должно быть? Что подавляющее большинство жителей поселка по каким-то необъяснимым причинам тоже не могут уехать отсюда? И как все это будет выглядеть? В конце концов, перед Ильей – представитель органов правопорядка, но ни о каком преступлении речь не идет.

Нет, нужен Назаров. Только с ним можно говорить. Сержант тоже участвовал в поисках мальчика Короткевичей, целых два дня, но вряд ли капитан сообщал своему помощнику то, о чем говорил с Ильей.

- Ладно, – сказал Илья. – Ничего срочного. Я приду, когда... капитан появится.

Сержант пожал плечами: мол, как знаешь, приятель, дело твое. Илья повернулся, чтобы открыть дверь и выйти, когда подумал о дежурстве сержанта в воскресенье.

- Вы сказали, что дежурили в воскресенье?

Сержант кивнул. Илья помялся, соображая, как лучше сформулировать следующий вопрос.

- После дежурства вы уезжали домой?

Как и Назаров, его помощник жил в Славянске.

- Конечно, - сержанта вопрос удивил. - Уезжал.

- Понятно. А когда вы... Перед выездом из Озерного... Ну, как на трассу выезжаешь, ничего странного... не было? В смысле ничего странного не видели или не чувствовали?

Сержант молчал, пытаясь понять, что от него хотят. Илья почувствовал неловкость. Его вопросы казались, мягко говоря, странноватыми. Он подумал, не извиниться ли и выйти на улицу, когда сержант сказал:

- Нет, ничего. А в чем дело?

- Да так, - Илья открыл дверь. - Просто спросил.

Кехха посмотрела на ком в углублении, заменявший паучкам жилье.

Светало. Где-то в глубине леса робко запела птица. Ее трель подхватила еще одна. Чуть позже - сразу несколько. Лес оживал после тихой безветренной ночи.

Скоро проснутся и паучки: сначала один-два, потом больше, потом - все остальные. Снова начнется прежняя суета, к которой склонны любые существа, чей желудок требует пищи по меньшей мере несколько раз в день. Так или иначе, заведя шарманку, нужно ждать окончания первой мелодии, прежде чем позариться на другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/kolosov_igor/rosomaha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)